10 ЛЕТ НАЗАД
ОН УБИЛ
МОЕГО СЫНА.

СЕГОДНЯ
Я ВЫХОЖУ
ЗА НЕГО
ЗАМУЖ...

КИМ СЛЭЙТЕР

THE MARRIAGE
СВАДЬБА

INSPIRIA

Ким Слэйтер
The Marriage. Свадьба
Серия «Tok. Преступления страсти»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69338953
К. Слэйтер. The Marriage. Свадьба: ООО «Издательство «Эксмо»; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-188565-6

Аннотация

Топ-100 рейтингов Amazon.

«Триллер года 2021» по версии читателей Amazon

10 лет назад он убил моего сына. Сегодня я выхожу за него замуж…

Пронзительный, полный любви и ненависти психологический триллер о браке молодого мужчины и женщины на двадцать лет старше него. И о противостоянии двух матерей, которые были лучшими подругами, а стали заклятыми врагами. Затягивающий психологический триллер, который будет держать читательниц в напряжении до последней страницы.

Десять лет назад любимый и единственный сын Бриджет Уилсон был убит. Виновным оказался сын ее лучшей подруги, Том Биллингерст. Жизнь Бриджет потеряла всякий смысл. Ее красивый, сильный мальчик превратился в воспоминание

– фотографию, которую она всегда носит с собой. Бриджет ненавидела Тома. Но спустя десять лет она вышла за него замуж…

Десять лет назад любимый и единственный сын Джилл Биллингерст попал в тюрьму, случайно убив лучшего друга одним-единственным ударом. Он получил максимально суровое наказание, но Джилл уверена: ее мальчик невиновен, а приговор – максимально несправедлив. И когда Тома наконец освободили, новость о свадьбе оглушает и шокирует ее. Джилл точно знает: Бриджет Уилсон – лгунья. Она задумала погубить убийцу своего сына. Но Джилл остановит ее любой ценой.

«К. Л. Слейтер написала холодную, хитрую, расчетливую и совершенно блестящую историю, которая держит вас в напряжении. Книга, от которой вы не захотите отказаться. Поверьте!» – The Secret Book Sleuth

«ВАУ, какая история! Настоящая мечта читателей: все, что вы хотите, здесь есть, но неожиданное продолжает происходить… 10/10!» – Book Mark

«Я не спал всю ночь, читая эту книгу. Потрясающе! Я определенно буду читать другие книги этого автора». – The Written Blurred

Содержание

Пролог 6
Глава 1 8
Глава 2 14
Глава 3 15
Глава 4 22
Глава 5 29
Глава 6 36
Глава 7 42
Глава 8 47
Глава 9 55
Глава 10 64
Глава 11 72
Глава 12 84
Глава 13 89
Глава 14 99
Конец ознакомительного фрагмента. 102

Ким Слэйтер
The Marriage. Свадьба

K. L. Slater
The Marriage

© K. L. Slater, 2021
© Акопян О. Э., перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Памяти Джулии Вэгг – горячо любимой матери, жены и подруги

Эта книга – художественное произведение. Имена, персонажи, предприятия и учреждения, места и события, помимо безусловно являющихся публичным достоянием, представляют собой плод воображения автора или использованы в художественных целях. Любые совпадения с реально живущими или когда-либо жившими людьми, а также событиями и местами случайны.

Пролог

Бриджет
Апрель 2019 года

Я стояла перед зеркалом в новом атласном платье цвета слоновой кости. Лаконичное и стильное, оно повторяло изгибы тела, но надежно скрывало все, что требовали приличия. В салоне мне нанесли автозагар. Увлажненная кожа выглядела гладкой и юной, однако, когда я ущипнула тыльную сторону ладони, складка разгладилась не сразу. Я завила волосы и собрала их в высокую прическу, добавив для нежности несколько веточек гипсофилы. Губы подкрасила помадой розового оттенка – самого модного нынешней весной, по словам продавщицы отдела косметики в универмаге.

Склонившись к зеркалу, я всмотрелась в свое отражение. От уголков глаз и губ веером расходились крохотные морщинки. Утратившие упругость щеки портили безупречный овал лица, остававшийся таковым вплоть до моего сорокового дня рождения. Через пару лет мне стукнет пятьдесят. Впрочем, возраст – лишь цифра. Сегодня я чувствую себя молодой, свободной и полной сил. Я долго ждала, чтобы начать все с чистого листа.

Сегодня я вступаю в новую жизнь с человеком на двадцать лет моложе меня. Через час я выйду замуж за того, кого люб-

лю. За того, кто десять лет назад убил моего единственного сына.

Глава 1

2009 год

Вид Мэвис Тредголд, бывшей учительницы младших классов, идущей по улицам Мэнсфилда – большого торгового города в Маун-Вэлли, в двадцати километрах севернее Ноттингема, – являл собой привычное зрелище для местных жителей. В бежевом пальто, шарфе в шотландскую клетку и в практичных ботинках на шнурках, она прогуливалась трижды в день, в сопровождении Гарри, черно-подпалой таксы. Эту пару, презирающую любые капризы погоды, часто видели на одном из маршрутов в городе и окрестностях. Типичный образ жизни для многих собачников, за исключением того, что один из выходов Гарри совершал ночью.

И сейчас эти двое как раз вышли на прогулку, так как больше всего Мэвис любила гулять именно в это время суток: на улицах было тихо, и ничто не мешало ей вспоминать о работе в школе. Все началось в год, когда ее проводили на пенсию. В связи с развивающейся мерцательной аритмией[1] ей установили кардиостимулятор, из-за которого началась ужасная бессонница. Каждую ночь, после трех-четырех часов неглубокого забытья, глаза открывались сами собой.

---

[1] Мерцательная аритмия – один из видов нарушения сердечного ритма.

Однако больное сердце было не единственной причиной, мешавшей уснуть.

Ранний выход на пенсию перечеркнул планы по своевременной выплате ипотечного кредита: Мэвис приобрела дом уже в немолодом возрасте и рассчитывала погасить задолженность к шестидесяти годам. Конечно, она получала пенсию, но замуж так и не вышла, существуя лишь на свой оклад. Бывшая учительница не справлялась со взносами и едва сводила концы с концами. Даже продлила срок выплат на пять лет.

Спасением от бессонницы стали прогулки. Они оставались единственной деятельностью, которую Мэвис могла себе позволить, не рискуя выйти за пределы бюджета. К тому же после блуждания по улицам – неизменно между двумя и тремя часами – она забиралась в постель с чашечкой чаю и дремала еще несколько часов.

Мэвис нравилось, что каждую ночь улицы выглядели одинаково: тихие, пустынные, словно замершие. Но не сегодня. Гарри уже собрался задрать лапку возле очередного фонарного столба, когда сонную тишину взорвала бу́хающая музыка, доносившаяся откуда-то поблизости. Пожарный выход единственного в городе ночного клуба «Мотор» распахнулся настежь. Мускулистый вышибала вышвырнул на асфальт двух человек, а затем с грохотом захлопнул дверь.

Мэвис схватила перепуганного Гарри на руки и отступила в тень, приняв отряхивающих пыль с одежды парней за хули-

ганов. Но когда глаза привыкли к темноте, поняла, что знает их. Без сомнения, это были Томас Биллингерст и Джесс Уилсон.

Она учила их в начальной школе. После этого мальчишки перешли в Мэнсфилдскую академию.

Несмотря на очень разные характеры, эти двое с детского сада росли не разлей вода. Они были ее любимчиками. Во многом благодаря тому, что она ласково называла «иньян». Том уравновешивал гиперактивность Джесса, а Джесс вытаскивал Тома из раковины, куда тот норовил спрятаться. Ребята органично дополняли друг друга, и их дружба шла на пользу обоим.

Мэвис быстро прикинула в уме: сейчас мальчикам по восемнадцать. И сразу ощутила себя старухой, хотя ей было всего шестьдесят пять. Джесс по-прежнему оставался сорвиголовой. В городе о нем ходила дурная молва: парень то и дело попадал в неприятности. Ох, и намучилась с ним бедная Бриджет!

Том же превратился в умного, спортивного парня. Он рос в хорошей семье. Когда он учился в школе, его родители, Джилл и Роберт Биллингерст, занимали почетные места на ежегодных родительских собраниях. С годами Том стал добиваться выдающихся успехов во всем, за что брался. Сейчас он занимался боксом и несколько недель назад в местной газете напечатали заметку о его победе на соревнованиях.

Мэвис собралась подойти и поздороваться, как вдруг яв-

но перебравшие парни начали ссориться. Ей не раз приходилось разнимать драчунов на школьной игровой площадке. Удивительно, как взрослые мужчины порой напоминают разбушевавшихся пятилеток. Однако сейчас, посреди тихой ночной улицы, едва освещенной оранжевыми лучами фонаря, стояли совсем не милые озорники, которых она когда-то знала, и по ее спине пробежал неприятный холодок.

Мэвис хотела вмешаться, но не рискнула: ребята начали кричать друг на друга, затем толкаться. Они стояли лицом к лицу, изрыгая чудовищные обвинения. Лучше бы Мэвис этого не слышала.

Впрочем, она не могла просто стоять. Это безобразие следовало немедленно прекратить! Женщина шагнула вперед, но в следующий миг страсти резко накалились. Движения парней стали резче. С перекошенными от ярости лицами они осыпали друг друга ругательствами.

У Мэвис перехватило дыхание – между дерущимися сверкнул металл. Прижимая дрожащего Гарри к груди, она спряталась у черного хода овощной лавки за большим смердящим гнилью мусорным баком и с ужасом продолжила наблюдать за происходящим. Сильнее сжала мягкое, теплое собачье тельце и еще немного попятилась в спасительную темноту. Под мягкими подошвами ботинок зашуршал гравий. На долю секунды ребята обернулись, словно услышав или заметив ее, но тут один из них сделал резкий выпад в сторону другого.

Мэвис юркнула в незаметный проулок, куда выходили служебные выходы нескольких магазинчиков, и очутилась на соседней улице. Лишь там она опустила Гарри на землю и отдышалась. Затем вынула из кармана простенький сотовый и вызвала «Скорую», постаравшись сделать голос неузнаваемым.

– Возле пожарного выхода клуба «Мотор» какая-то потасовка. По-моему, довольно серьезная. Дерутся двое мужчин, возможно, один из них ранен. – Она нажала на отбой, оборвав поток вопросов от диспетчера.

…Поднявшись на холм, Мэвис с замиранием сердца прислушалась к вою сирен, расколовшему безмятежную тишину предрассветных часов. Обернулась и посмотрела вниз, на центр города. Из-за поворота на главную улицу выехали несколько автомобилей с синими проблесковыми огоньками.

Сердце сжалось, и на миг женщина чуть было не решилась вернуться и проверить, все ли в порядке. Уж не привиделось ли ей блеснувшее лезвие? Ее глаза потеряли былую зоркость. Да и слух притупился. К тому же слова ссорившихся доносились весьма неразборчиво; может, она неверно их расслышала? Ей придется иметь дело с полицией, стать центром внимания всего города и в худшем случае выступать свидетелем в суде… К такому Мэвис не была готова. Особенно после операции на сердце. Доктор предупредил, что ей категорически противопоказано волноваться.

Озябший от морозного ноябрьского воздуха Гарри натягивал поводок, торопясь попасть домой.

– Наверное, произошла дорожная авария, – будто репетируя роль, произнесла Мэвис.

Это была полезная практика, ибо именно так она собиралась говорить полицейским, если к ней придут. И нет, она не видела, что именно случилось, поскольку почти пришла домой к моменту, когда взвыли сирены «Скорой».

Иногда правду очень трудно вынести, но еще труднее произнести вслух. Мэвис, как женщина благочестивая, старалась преодолеть в себе эту слабость, но всегда осознавала ценность молчания и невмешательства в проблемы других людей.

Она знала обоих парней, знала их родителей. Попытка влезть между сторонами (учитывая, что и там, и там имелись вспыльчивые личности) ничем хорошим не кончится.

Тридцать лет Мэвис объясняла своим юным подопечным разницу между добром и злом. Искренне считала, что стоит поступать правильно, если есть такая возможность. Но если правда слишком болезненна, лучше промолчать. Она надеялась, что это окажется простым недоразумением, размолвкой межу двумя подвыпившими товарищами. Обычно такие малоприятные случаи сразу же забывались.

Глава 2

Газета «The Mansfield Guardian»
15 октября 2009 года

В центре города от единственного удара умер человек

Сегодня в больнице, куда его доставили ранним утром в критическом состоянии, скончался восемнадцатилетний юноша. Причиной смерти стало кровоизлияние в мозг, полученное в ходе потасовки возле ночного клуба «Мотор» на Уайт-харт-стрит в Мэнсфилде.

Несчастье произошло в начале третьего ночи. Между двумя молодыми людьми, отдыхавшими в клубе, разгорелся конфликт, и сотрудник службы безопасности выдворил их из заведения. Роковое падение случилось на улице, рядом с пожарным выходом.

Полиция задержала второго участника происшествия – восемнадцатилетнего местного жителя, профессионального боксера в среднем весе, который недавно прошел отбор на чемпионат Ист-Мидлендса, намеченный на февраль будущего года. Полиция разыскивает свидетелей.

Глава 3

Том
Апрель 2019 года

Том отметил, что служащие тюрьмы проделали большую работу. Постарались на славу. Украсили тесную грязно-коричневую часовню для заключенных, искусно задрапировав входную дверь куском белого атласа. Вазочки с фрезиями и кремовыми розами придавали подоконникам нарядный вид, а россыпь алых сердечек оживляла стол, на котором Том и его невеста скоро зарегистрируют брак.

Получив заявление с просьбой разрешить регистрацию брака, начальник тюрьмы сильно удивился.

– Свадьбы здесь уже лет десять не проводились, – сообщил он. – Но, если вы этого хотите, что ж, имеете право. А мы поможем, чем сможем.

…Том сделал предложение Бриджет полгода назад. Он подал ходатайство об особом свидании. И поскольку срок заключения подходил к концу, ему позволили. Малая комната свиданий использовалась для частных семейных визитов – в ней заключенным сообщали новости о смерти или рождении родственника и тому подобном.

На ее стенах была ужасная зеленая краска, а по углам расположились искусственные цветы. Посередине стояли об-

лупленный кофейный столик и пара исцарапанных стульев. Но еще там было окно, выходящее на раскинувшиеся за тюрьмой поля. В ожидании Бриджет Том неотрывно смотрел на них, небо, стаю чаек, носящихся под серыми пушистыми облаками. Это было словно напоминание о том, сколь огромен мир снаружи. Мир, частью которого он снова станет в ближайшее время.

– А почему отдельная комната? – первым делом спросила Бриджет, войдя внутрь. На ее красивом лице читались напряжение и озабоченность. – Что-то случилось?

– Все отлично, – улыбнулся Том.

– Я буду за дверью, – многозначительно сказал Барри, надзиратель.

Правила не позволяли оставлять заключенного наедине с посетителем, однако Барри знал Тома на протяжении всего тюремного срока и знал причину, ради которой было организовано свидание, а потому неплотно прикрыл дверь, оставив щелочку.

Бриджет настороженно оглянулась и зашептала:

– Том, ты меня пугаешь. Что случилось?

– Все в порядке, Бридж. Я попросил тебя прийти сюда… – Том встал на одно колено. – Потому что хочу спросить: ты выйдешь за меня?

Бриджет с тихим возгласом прикрыла ладонью рот. В ее глазах заблестели слезы.

– Ох, Том… Да! Да! Конечно, я выйду за тебя!

Они шагнули друг к другу и обнялись. Впервые за два года, в течение которых она его навещала. Том зарылся лицом в блестящие шелковые волосы своей невесты, вдохнул аромат шампуня с миндалем и ванилью. Бриджет прижалась к нему, и тело мгновенно отозвалось, наполняясь неистовым желанием. Том привлек Бриджет к себе еще ближе, ощущая ее теплые упругие бедра.

Дверь со скрипом отворилась, и Барри, кивнув на стулья, намекнул, что влюбленным пора занять свои места. Том шагнул назад и сдавленно выдохнул. Он дико хотел Бриджет. Как же много времени прошло!

– Я втайне надеялась, что ты сделаешь предложение, – призналась Бриджет, промакивая глаза. – Но только после освобождения. Сейчас я совсем не ожидала!

– Я… я должен был спросить тебя именно сейчас. Кольца у меня нет, но я это исправлю, как только смогу, – пообещал Том, все еще чувствуя жар и напряжение в теле. – Похоже, оставшиеся шесть месяцев покажутся мне шестью годами. Но теперь я знаю, что мы будем вместе, когда я выйду, и это придает сил.

Они присели на стулья и заговорили о технических вопросах.

– Я могу организовать все со своей стороны. Надо только выбрать день, – произнесла Бриджет. – Когда, где и… как мы скажем родным.

Распаленного от желания Тома словно окатили ледяной

водой.

– Да, – мрачно кивнул он. – Я думал об этом.

Они решили сообщить новость сразу после его освобождения.

– Будет скандал, – предупредила Бриджет. – Но лучше не давать им опомниться, чтобы не пытались строить козни и отговаривать нас от женитьбы.

…После ее ухода Барри повел Тома обратно в камеру.

– Судя по реакции дамы, поздравления уместны? – подмигнул офицер.

– Да, – ухмыльнулся Том. – Осталось только решить, как сказать своим. У меня полгода на то, чтобы придумать, как убедить маму не начинать третью мировую, когда она обо всем узнает.

На площадке перед камерой Барри негромко произнес:

– Скажу по секрету: вообще-то, вы имеете право пожениться прямо тут. Конечно, невеста может не обрадоваться. Ну, то есть здесь не самое романтическое место. Однако это решит проблему с несговорчивыми родственниками. Потому что они ни черта не смогут сделать.

После этого Барри закрыл за Томом дверь и зашагал прочь, насвистывая свадебный марш.

…И вот сегодня, через считаные минуты, Том и Бриджет станут мужем и женой. Ради свадьбы сотрудники тюрьмы превзошли самих себя. Один из старших офицеров принес жениху белую рубашку и темно-синий костюм-тройку своего

сына. А Барри одолжил новые кожаные коричневые ботинки. Том почувствовал, как вспотела шея, сдавленная жестким крахмальным воротничком. Перед мысленным взором мелькнуло лицо Джесса – как и всегда в минуты волнения. С того самого момента, почти десять лет назад, когда двое следователей вернулись в душную комнату для допросов и сообщили, что Джесс скончался, лицо друга навеки впечаталось в память Тома.

Выражение лица Джесса всегда было одинаково. Таким его запомнил Том за долю секунды до того, как нанес роковой удар. Именно в то мгновение он мог бы развернуться и уйти. *Эх, если бы…* Но теперь жизнь дарила ему второй шанс.

Дверь часовни открылась, и вошел капеллан – полный лысеющий мужчина невысокого роста, в очках с черной оправой и в светлом атласном облачении. Он проводил в тюремной часовне еженедельную службу, но Том не присутствовал ни на одной из них.

В одной руке капеллан держал пачку документов, а в другой – фиолетовую бархатную подушечку, на которой лежало кольцо. Том отработал бессчетное количество часов на кухне, брался за дополнительную работу по уборке, чтобы немного подзаработать. В итоге начальник тюрьмы разрешил капеллану приобрести от лица жениха скромное обручальное кольцо.

Том осознал, что сейчас, в это самое утро, настает очередной судьбоносный момент. Момент, когда он может либо

нажать на тормоза, либо, наоборот, помчаться во весь опор навстречу соблазнительной новой жизни. На сей раз *лучшей* жизни, наполненной любовью и искуплением.

Дверь снова распахнулась, послышались приглушенные голоса. Раздалась дребезжащая, едва слышная запись Мендельсона. В часовне появилась Бриджет, и у Тома перехватило дыхание. Она выглядела потрясающе. Сногсшибательно. Простое белое атласное платье-футляр средней длины выгодно подчеркивало стройную загорелую фигуру. На изящных лямках поблескивали крохотные стразы, а в руках Бриджет сжимала букет из калл, ярко-зеленые стебли которых элегантно обвивала серебристая лента. Серебристые босоножки на головокружительно высокой шпильке открывали взорам аккуратный французский педикюр и изящные ступни.

Том знал, что его за глаза обсуждали заключенные и некоторые надзиратели. Он держался особняком и не заводил знакомств, за исключением пары ребят. Они-то и рассказали, что именно говорят за его спиной. Мол, он рехнулся, раз решил жениться на старухе, и этот брак не продлится долго. Да и она выжила из ума. Ведь она – мать парня, которого он убил. Приличная женщина никогда бы на такое не пошла.

Впрочем, кого волнуют их жалкие, злобные выпады? Скоро он станет свободным человеком и больше никогда не увидит этих подонков.

Люди не понимали, что у них с Бриджет особая связь.

Нерушимая. Реакция окружающих будет примерно одинакова, но, как говорила Бриджет: «это *их* проблемы».

По мнению Тома, она выглядела по меньшей мере на десяток лет моложе своего возраста. Почти не изменилась с тех пор, как он целые дни проводил у Джесса дома, по-прежнему оставаясь роскошной женщиной.

Бриджет медленно прошла в часовню. Их глаза встретились, и ее губы тронула легкая улыбка. Пепельно-русые волосы невесты были завиты и уложены в высокую прическу, которую украшали несколько выпущенных локонов. Белые цветки, воткнутые между прядями, обрамляли точеное лицо.

Иногда, глядя на Бриджет, Том видел Джесса – его глаза, его профиль. Но не сегодня. Сегодня это была Бриджет Уилсон, его будущая жена. Мать молодого человека, которого он убил единственным ударом почти десять лет назад.

Бриджет нашла в своем сердце место для прощения, и этим спасла Тома. Она стала его прошлым, настоящим и будущим, соединяя их воедино внутри себя, и Том мысленно поклялся, что не позволит никаким внешним обстоятельствам (кому или чему бы то ни было) встать между ними.

Он жаждал поскорее начать новую жизнь. Осталось преодолеть лишь последнее препятствие: ему предстояло сообщить новость о женитьбе своей матери Джилл. И разговор этот пройдет нелегко.

Глава 4

Джилл
Октябрь 2019 года

Глядя на аккуратную стопку документов и блистер парацетамола, лежащие передо мной на полированном кофейном столике красного дерева, я чувствовала, как внутри разливается тепло. Десять долгих лет я ждала этого момента, и он, наконец, настал. Том возвращается домой.

Я проверила каждую бумагу и мысленно еще раз прошлась по списку.

Описание квартиры с двумя спальнями в десяти минутах пешком от нашего дома. Один звонок – и агентство по аренде недвижимости подготовит договор. Останется лишь подписать. Есть.

Новый банковский счет со стартовой суммой в тысячу фунтов. Есть.

Предложение о работе на первое время. Спасибо моей знакомой из архива центральной библиотеки. Есть.

И последнее, но не менее важное, – запись к очень востребованному психологу. Есть.

Я откинулась на спинку дивана и прикрыла глаза. Я учла все до последней мелочи. Нужно расслабиться, чтобы снять напряжение шейных мышц. Надо успокоиться, иначе голов-

ная боль, которая изводила меня последние сутки, никогда не закончится. Сегодня я проснулась в пять утра, и это лишь усугубило ситуацию. А ведь на ночь я приняла таблетку нового снотворного, недавно выписанного врачом.

– Закончила? – в комнату вошел Роберт с двумя чашками чая в руках.

Одну он поставил на столик передо мной, а со второй уселся в свое кожаное честерфилдское[2] кресло.

– Да. – Я запила чаем две таблетки парацетамола. – Теперь мы готовы к его возвращению. Ты машину подготовил?

– В точности, как вы велели, мэм! – Роберт насмешливо отдал честь. – Полный бак бензина, его любимые песни и запас воды и закусок, которого хватит, чтобы трижды съездить туда и обратно.

Несмотря на циничные шутки мужа, сердце в моей груди билось, как птица в клетке. Я лишь хочу – мне *нужно,* – чтобы к возвращению моего мальчика домой все было идеально.

Я снова заглянула в список.

– Я купила Тому две пары джинсов, свитер, три футболки и спортивный костюм. Может, еще приобрести парадные черные брюки и красивую рубашку? Просто на всякий случай, если мы решим куда-нибудь выйти поужинать или он захочет встретиться со старым другом и пропустить по стаканчику. Ему столько предстоит наверстать!

Роберт провел пальцем по краю чашки.

---

[2] Классическая английская мебель.

– Том сам решит, во что одеваться, и я сомневаюсь, что в ближайшее время ему захочется выходить в свет. Надеюсь, он как следует поразмыслит, во что превратил свою жизнь.

– У Тома было предостаточно времени поразмыслить над этим. Сейчас ему нужны наша поддержка и шанс наконец-то перевернуть страницу.

– Опять ты за свое, – фыркнул Роберт. – Вечно защищаешь его, выгораживаешь под самыми нелепыми предлогами. Думаешь, я не вижу?

– Вовсе нет! Просто я… переживаю. Вдруг я забыла что-нибудь важное.

– Как всегда. Отчаянно пытаешься контролировать каждую мелочь, а потом сходишь с ума от волнения.

– Ничего подобного, – отрезала я, хотя, конечно же, муж был прав.

Я не могла пустить жизнь на самотек. Еще в детстве я поняла, к чему приводит подобное отношение: отцу пришлось объявить себя банкротом, и мы потеряли все. Мне было восемь, когда я увидела, как за одну ночь папа превратился в старика. Он все повторял: «Я слишком расслабился, вот идиот. Думал, бизнес пойдет сам собой». Да только бизнес сам собой не пошел. Партнер, с которым отец проработал двадцать лет, его предал.

– Вспомнила об отце, – сухо произнес Роберт. – Опять этот безумный взгляд.

Он поставил чашку на столик и провел рукой по своим

почти совсем седым волосам. Десять лет назад, когда Том отправился в тюрьму, они были черны, как вороново крыло. Это напомнило мне, сколько времени мы потеряли.

– Я лишь хочу убедиться, что предусмотрела к возвращению Тома все необходимое. Ничего более.

– Мы уже тысячу раз это обсуждали. От тебя требуется самая малость. Ты всегда считала Тома беспомощным дитем, хотя то, что случилось десять лет назад, показало, каким он может быть мерзавцем.

Я пропустила колкость мимо ушей. Джесс стал жертвой очень неудачного стечения обстоятельств. И это Джесс повел себя как мерзавец – именно он вынул нож. Том всего лишь защищался. И все же присяжные (хоть и не единогласно) объявили его виновным в непредумышленном убийстве. После вынесения приговора судья сказал: «Томас Биллингерст, вы опытный боксер и применили свои навыки, заняв определенную стойку, чтобы удар получился максимально травматичным».

Если бы Том не занимался боксом, возможно, присяжные вынесли бы иной вердикт. Мы подали апелляцию, но, естественно, проиграли.

…Я смотрела на мужа из-под полуприкрытых век. Роберт никогда не уделял сыну особого внимания. Оказалось, что он принадлежит к тому странному типу мужчин, которые ревнуют жену к сыну. Роберт никогда не хвалил нашего мальчика. Только критиковал. И теперь, естественно, взялся за

старое. В последнее время он притих. Внешне это никак не проявлялось, но я интуитивно чувствовала, что муж словно ушел в себя. Мне больше нравилось, когда он молчал.

– Вроде ничего не забыла, – пробормотала я себе под нос.

– Да даже если и забыла. Некоторым бывшим зэкам приходится жить в дешевых ночлежках, потому что помощи им ждать неоткуда. Том больше не подросток, он взрослый мужчина, которому пора взглянуть правде в глаза. Честно говоря, давно пора.

«Бывший зэк»? Теперь он станет без конца попрекать сына? Массируя висок, я еще раз машинально пролистала пачку документов. Пока Роберт в таком настроении, говорить с ним бесполезно. Мы всегда по-разному выражали свои чувства. Пятнадцать лет назад карьера Роберта – преуспевающего архитектора – прервалась, и он переквалифицировался в школьного консультанта[3], устроившись в местный колледж. Учитывая его неспособность к эмпатии по отношению к собственной семье, мы сильно удивились, когда услышали, чем он собирается заняться. Однако Роберт оказался востребованным специалистом.

…Как профессиональный библиотекарь я люблю строгий порядок и не оставляю ничего на волю случая, тем более когда речь идет о столь важном событии – возвращении мое-

[3] Школьный консультант – советник и педагог, в задачи которого входит обеспечение готовности учащихся к переходу от среднего образования к дальнейшей карьере (колледж, университет или работа), помощь с профориентацией, а также поддержка их личностного, социального развития и психологического здоровья.

го сына домой. Бог свидетель, мы ждали этого очень долго. Я скучала по работе, которую бросила после того, как Том угодил в тюрьму. Много раз подумывала о возвращении в строй, но не ощущала былой уверенности. Не могла представить себя в прежней роли.

За минувшие десять лет я многое утратила. В частности, навыки вождения. Отлично справлялась с короткими вылазками до местных магазинчиков, но стала бояться выезжать на более крупные трассы, а к шоссе даже не приближалась. И сегодня у меня не оставалось иного выбора, кроме как попросить Роберта сесть за руль и довезти нас до Ноттингемской тюрьмы Ее Величества[4], чтобы встретить сына. Увы, это давало ему возможность говорить о Томе гадости. Не переставая.

Я сложила бумаги в стопку и выровняла ее со всех сторон, чтобы аккуратной пачкой убрать в папку. Поднялась с дивана, собираясь выходить, и тут меня осенило. Уже сегодня Том будет прямо здесь, в этих стенах. После тяжелейших испытаний он вернется домой, в родные пенаты. И сможет наконец оставить прошлое в прошлом и наверстать все то, что было вынужденно поставлено на паузу последние десять лет. Его ждет карьера, возобновление старых знакомств и, конечно, встреча с хорошей местной девушкой и начало

---

[4] Ноттингемская тюрьма Ее Величества – мужская тюрьма, расположенная в районе Шервуд в Ноттингеме, графство Ноттингемшир, Англия. Находится в ведении королевской Тюремной службы.

собственной семейной жизни. А я буду рядом, чтобы дарить любовь и поддержку.

После стольких лет, в течение которых я откладывала свою жизнь и мечты на потом, с чистого листа начинал не только мой сын. Но и я.

Глава 5

Бриджет

Я постелила свернутый клетчатый плед на влажную от росы траву и уселась возле могилы сына. Затем прижала ладонь к светло-коричневому надгробию, на котором кладбищенский каменотес выбил надпись через неделю после похорон – почти десять лет назад.

Где-то там, глубоко внизу, под уныло-серой декоративной крошкой, лежали кости моего чудесного мальчика. Джесса.

Когда все это случилось, мне, едва не теряющей рассудок от горя, нужно было ответить на массу невыносимых вопросов. Гроб из дерева или фиберглассa[5]? Какого цвета будет шелк для внутренней отделки? Много раз я перекладывала решение на сотрудников ритуального бюро. Однако, сколько бы меня ни уговаривали, наотрез отказалась кремировать сына. Мне хотелось оставить его тело целым. Я не желала, чтобы моего сильного, красивого мальчика, который был таким жизнерадостным и энергичным, превратили непонятно во что. Мысли не допускала, что его здоровое юное тело уменьшится до горсти пепла.

Я вынула из кармана куртки маленькую фотографию

---

[5] Фиберглассa – материал из стекловолокна и связующего полимера.

в кружевной серебряной рамке – мой любимый снимок Джесса, сделанный примерно за год до смерти. Я всегда приносила сюда эту фотографию. Мы жили в неприглядном районе, в тесной хибаре, куда переехали, когда ему стукнуло года два или три. В то время я не могла позволить себе приобрести дом, хоть и пахала на двух работах, поэтому снимала лучшее, на что хватало средств. Помню, когда проявила пленку, залюбовалась: красивый, с хулиганской улыбкой, мой сын смахивал на рок-звезду. Джесс тоже оценил фотографию. Даже поставил на своей прикроватной тумбочке.

Когда он погиб, сердобольные соседи организовали сбор денег и сообща накопили сумму, которая мне, едва сводящей концы с концами матери-одиночке, казалась астрономической. Пожертвований хватило на первый взнос за дом в более благополучном районе, но я не хотела уезжать из нашей с Джессом обители. Сама мысль об этом была кощунственной, словно так я предам память о нем.

Корал Маккинти, девушка, с которой Джесс встречался почти год, на момент его смерти была на седьмом месяце беременности. Бледная и худенькая Корал жила в нашем городе, училась на класс младше Джесса и частенько приходила к нам вместе с другими детьми на вечеринки с пиццей и просмотром фильмов или просто отдохнуть и послушать музыку на клочке травы, который мы гордо именовали садом.

Корал удавалось выглядеть недурно, когда она прикладывала некоторые усилия, но я искренне недоумевала, чем эта

серая мышка привлекла Джесса? Сын мог выбрать любую из местных красавиц, но предпочел им довольно заурядную девушку, которую знал много лет.

– Корал хорошая, мам, – заявил он однажды. – Не лезет в мои дела и не выносит мозг. Пока что меня все устраивает.

– Ну, знаешь ли! – возмутилась я. – Ты свой выбор сделал и теперь должен заботиться о Корал и малыше.

Я прививала сыну уважительное отношение к женщинам. Джесс помнит, как я с ним мучилась, пока растила.

Корал была единственным ребенком в семье, мать ее умерла, а с отцом девочка почти не общалась. Поэтому, когда на свет появился Эллис, через три месяца после гибели его отца, Корал с малышом стали часто ночевать у меня. Иногда по нескольку раз в неделю. После переезда они прожили со мной несколько месяцев, пока я не нашла ей новенький таунхаус, всего в пяти минутах от своего дома. В Эллисе была частичка Джесса. Привязанность к внуку придавала мне сил, помогая обрести душевное равновесие. Благодаря Эллису я ощущала присутствие сына в моей жизни и нуждалась в этом, как в воздухе. Пока Джесс был жив, моя любовь к нему походила на ослепительно яркую бабочку. А теперь я испытывала затаенное, мрачное чувство, напоминающее блеклого ночного мотылька.

…Ледяной ветер пронесся по земле и забрался мне под одежду. Зябко поведя плечами, я прижала к груди фотографию Джесса, чтобы успокоиться. Сегодня Том освобождает-

ся из тюрьмы. День предстоит тяжелый.

…Накануне похорон Джесса, ощущая одиночество и полную опустошенность, я попыталась связаться с Джилл Биллингерст. Набрала номер ее городского телефона, но тут же нажала на отбой. Я тысячу раз звонила и бросала трубку, не находя в себе мужества дождаться первого гудка.

– Алло? – голос Джилл звучал так же безжизненно, как и мой.

– Джилл? Это… это Бриджет, – неуверенно проговорила я.

– Что тебе нужно? – рявкнула она.

– Послушай, нам надо поговорить.

Я не сомневалась: у Джилл такие же мысли. Мы обе скорбящие матери, нам следует поддерживать друг друга в горе. Мы дружим так давно, что просто обязаны преодолеть эту трагедию вместе.

– Нам надо поговорить о том, что произошло, – произнесла я.

Джилл была моей лучшей подругой на протяжении пятнадцати лет, но когда я наконец-то отважилась услышать ее голос, слова не шли с языка. Я не могла связно описать свои чувства.

– Мне нечего тебе сказать, – ледяным тоном сказала Джилл.

Мы обе знали сыновей друг друга как своих собственных. Растили их вместе. Я знала, что нравится Тому, а что нет.

Знала, что у него на левом плече есть родимое пятно в форме клубники. Знала, что ему пришлось удалить два зуба мудрости и что лет до пятнадцати он ходил во сне, если днем сильно волновался.

Джилл знала о Джессе не меньше. Мы любили обоих мальчишек, и нам точно было что сказать друг другу.

Я сжала трубку до боли в пальцах. Меня кинуло в жар, на коже выступила испарина. В душе вертелся вихрь сильнейших эмоций, с которыми я не справлялась. Меня то парализовало чувство полной безнадежности, то мощный выброс адреналина заставлял вскипать кровь, и я едва сдерживала ярость.

В течение многих лет, что мы дружили, казалось, будто у Джилл масса знакомых, друзей, соседей – людей, которые, как я думала, сплотятся вокруг нее в трудное время. У Джилл есть Роберт. И несмотря на все его промахи – по словам Джилл, их случалось немало, – Роберт рядом с ней. И самое главное – у нее по-прежнему есть Том. Он жив и однажды вернется домой.

– Мне просто нужно с тобой поговорить, – прошептала я в трубку. – Я схожу с ума. Одна в пустом доме. Я хочу во всем разобраться, и ты единственная, кто может понять, каково мне сейчас.

– Я тебя предупреждала. Много раз. Я говорила, что Джесс неуправляемый, что все это плохо кончится, но ты не обращала внимания.

Даже сейчас, спустя столько лет, когда я вспомнила, как холодно говорила тогда Джилл, меня пробрала дрожь.

– Если бы ты прислушалась к моим словам, ничего бы не случилось.

– Погоди! Я…

– Он был тебе сыном, Бриджет. *Сыном*. Не лучшим другом и не приятелем, с которым можно похихикать и весело провести время. – Горечь в голосе Джилл резанула бритвой. – Ты несла ответственность за Джесса и окружавших его людей. Ты была обязана его контролировать. И ты не справилась ни с одной из задач.

– Пожалуйста, не говори мне, что я плохая мать. Ведь это *твоего* сына осудили за…

– Джесс угрожал моему сыну *ножом*! – голос Джилл сорвался. Она наверняка сейчас прикрыла глаза и сжала кулаки, как и всегда, когда злилась. – Том ударил его только ради самозащиты, потому что ничего другого не оставалось. В итоге жизнь моего сына сломана, а Джесс погиб. – С этими словами Джилл повесила трубку.

Я тут же перезвонила. Я набирала ее номер десять, двадцать раз, но, конечно, никто не ответил. Я металась по дому, словно ураган, круша и разрывая в клочья все, что попадалось под руку. Наконец, я сжалась в маленький комок и рыдала так долго, что начало саднить горло, руки и ноги заломило, а грудную клетку стало жечь.

Жестокие слова Джилл глубоко запали мне в память. Она

сказала, будто Джесс сам виноват в своей смерти. Я попыталась еще раз поговорить с ней об этом несколько месяцев спустя. Я отправилась к ней домой, но бывшая подруга захлопнула дверь перед моим носом.

И теперь, по прошествии десяти лет, мы имеем то, что имеем. Через несколько часов я начну новую жизнь вместе с молодым мужем. С человеком, который любил Джесса как родного брата, но забрал его жизнь. Мы уже договорились, что из тюрьмы он поедет с родителями, а дома все им расскажет.

Мы не питали иллюзий. Убедить Роберта и Джилл Биллингерстов принять наше решение – невыполнимая задача. Впрочем, вариантов у них два: либо смириться, что мы пара, и постараться наладить отношения, либо этого не делать. И если Джилл и Роберт выберут второй вариант – значит, так тому и быть.

Между нами с Томом царило полное взаимопонимание. Его родители перестанут для нас существовать.

Глава 6

Джилл

– Мы тебя не ждали! – пожурила меня Одри, когда я вошла в магазин через четверть часа после открытия. – У тебя наверняка куча дел, ведь сегодня освобождается Том.

– Я на минутку. Надо как-то пережить утро. А еще хочу отдохнуть от ядовитых комментариев Роберта. Решила заглянуть сюда, посмотреть, как ты справляешься с новым товаром.

– Послушай, – Одри преувеличенно четко произносила каждое слово. – Я прекрасно справляюсь без тебя!

– Дай я хоть кофе тебе приготовлю перед тем, как уеду. А то совесть замучает.

– Ну хорошо! – расхохоталась Одри. – Если тебе станет легче. Себе тоже сделай: немного поболтаем, пока никого нет.

Благотворительный магазин «Второй шанс» располагался в самом центре города, в оживленном переулке, ведущем к главной торгово-пешеходной улице Уэст-Гейт. Продажи шли бойко. Одри отбирала товар придирчивее, чем большинство коллег, и я со смехом запоминала ее перлы: «Эта рухлядь нам не нужна», – без обиняков заявляла она тем жертвователям, чьи вещи оказывались ненадлежащего, на ее

взгляд, качества. В прошлом месяце нам пришлось выдержать очень неловкий спор с клиенткой, пытавшейся избавиться от сильно поношенного плаща.

«Если вы сочли эту вещь слишком ветхой, чтобы носить, то с чего бы она должна приглянуться другим?» – спрашивала Одри.

Именно благодаря ее прямоте наш товар был неизменно хорошего качества и всегда по разумным ценам. А теперь мы обзавелись небольшой армией постоянных покупательниц, которые приезжали из самых разных мест в надежде на выгодную покупку. Одри уже настолько хорошо знала вкусы некоторых клиенток, что даже звонила им, когда поступал подходящий, по ее мнению, товар.

Появилась первая покупательница, и я отправилась ставить чайник. В магазине имелось несколько подсобных помещений: закуток с кухней, рабочий кабинет и маленькая раздевалка. Я налила в чайник воды, поставила его кипятиться и прошла в контору. К моему удивлению, там уже горел свет. На экране компьютера отображалась таблица, а стол был завален документами.

Одри терпеть не могла возиться с отчетностью, особенно со всем, что связано с цифрами, и обычно инвентаризация товара и ведение нашей несложной бухгалтерии доставались мне. Я наклонилась поближе к монитору – без очков для чтения я видела не очень – в надежде, что Одри не превратила инвентаризацию в бардак. Я корпела над отчетом несколько

недель, чтобы подготовить к отправке в головной офис.

– Ах, вот ты где! – Я чуть не подпрыгнула от неожиданности, когда громкий голос Одри раздался прямо над моей головой. – Порядок?

– Полный. Решила проверить, не испортила ли ты мой титанический труд.

– Чайник вскипел! – Одри протиснулась мимо меня к столу и нажала на клавиатуре компьютера пару кнопок, после чего монитор тут же потух. – Я только проверила, весь ли товар учтен. Мне знакомая в головном офисе шепнула, будто ревизоры ездят по разным точкам с проверкой, и не хотела, чтобы нас застали врасплох.

– Так это была товарная ведомость? – уточнила я, глядя, как Одри спешно сгребает со стола документы. – Я ее не обновляла с прошлого понедельника.

– Да, теперь, когда ты сказала, припоминаю. – Одри сложила бумаги в папку и шагнула к двери.

– Что-то… случилось? – спросила я, заметив испуг в ее глазах.

– Что? Нет! Все в порядке. Так где же обещанный кофе?

Я постаралась не обращать внимания на противное бурление в желудке. Может, я сделала ошибку? Допустила серьезную неточность, и Одри не хочет меня волновать? Она явно что-то недоговаривает.

Я принесла чашки с кофе в торговый зал.

– Ну, как себя чувствуешь? – поинтересовалась Одри. –

Бог свидетель, ты столько ждала этого дня!

– Я… нормально. Наверное.

– Ты немного осунулась, – отметила она, внимательно глядя на меня. – Это все нервы, как обычно.

– Я всегда найду повод поволноваться, сама знаешь. Переживаю, правильно ли поступила.

– В каком смысле?

– Понимаешь, я устроила так, чтобы Том вернулся на все готовое. Не думал о работе и деньгах. Ты меня знаешь: я без четкого плана ни шагу не могу ступить. Роберт уже высказался по этому поводу. – Я вымученно улыбнулась, пытаясь справиться с накатившими чувствами.

– Не будь к себе слишком строга. Ты горы свернула, добывая Тому работу и квартиру. Расслабься!

– Спасибо. Просто мне важно контролировать ситуацию. Только хлопоча для сына, я могу справиться со стрессом. Роберт считает, что я перебарщиваю, но он всегда так говорит.

– Прости, конечно, но ты сделала для Тома столько, сколько Роберту и не снилось! Кстати, Роберт по-прежнему ведет себя странно? Помню, ты говорила, что в последнее время он отдалился.

– Вроде бы все в порядке, – ответила я, вспомнив о необычном поведении мужа.

Он допоздна задерживался на работе, уходил в одиночестве на долгие прогулки. Я подозревала, что Роберт переживает из-за финансов, но не могла взять в толк почему. Денег

нам всегда хватало. Мы даже немного откладывали. – Видимо, ему не дает покоя возвращение Тома. Муж не выносит, если хоть что-нибудь нарушает привычный режим. Но сколько бы он ни хорохорился и ни язвил, в глубине души наверняка волнуется, что наша жизнь скоро изменится.

Стоило мне произнести эти слова вслух, как я поняла, что моя догадка близка к истине.

– Роберту нравится прикидываться суровым парнем, которому не до сантиментов, но если копнуть глубже, внутри он мягкий.

– Хмм… придется поверить тебе на слово. Я в горном деле не мастак, – пошутила Одри, и я прыснула со смеху.

Впрочем, я не сомневалась: Одри меня поняла. Мы познакомились в первый день в колледже, где обе собирались изучать английскую филологию и социологию. Так началась наша крепкая дружба.

– Ну что же. – Подруга поставила кружку на прилавок рядом с кассой. – Не хочу тебя торопить, но мне пора. Труба зовет. Прости.

– Без проблем! Увидимся! – ответила я, стараясь не обращать внимания на тревожные мысли, что Одри, возможно, скрывает от меня какие-то неурядицы в магазине.

– Удачи! И хорошо тебе отдохнуть за эти две недели!

Казалось, Одри меня выпроваживает, и я едва удержалась, чтобы не спросить, точно ли все в порядке, но решительно шагнула на выход. Сейчас и так проблем по горло, и еще одна

мне точно не нужна.

Глава 7

Том

После обеда Том бросил свои нехитрые пожитки в рюкзак и защелкнул пряжки. Представляя этот момент снова и снова, как в фильме «День сурка», Том думал, что будет скакать от радости и волноваться до тошноты, горя желанием выбраться из-за решетки и глотнуть сладкий воздух свободы.

И вот долгожданный день наконец настал, но ничего подобного он не чувствовал – разве что немного нервничал. Все происходящее казалось чистой фантасмагорией. Он бы не удивился, если бы в тюрьму прибыл какой-нибудь высокий чиновник и объявил, что произошла досадная ошибка и до освобождения придется отсидеть еще несколько лет.

Поздним утром его перевели из камеры в небольшой бокс внизу. В тот самый, куда доставили сначала, когда впереди ждали долгие десять лет заключения. Том в последний раз огляделся вокруг. Посмотрел на голые белые стены, на окошко под потолком, сквозь которое заманчиво синел лоскут неба.

Он запомнит эту дыру до мелочей. С того момента, как он сюда попал, каждый день проходил точно так же, как предыдущий. Первые несколько недель время текло непрерывным

однообразным потоком, один час незаметно сменял другой. Тогда Том впервые испытал тихое, граничащее с безумством отчаяние.

Он всегда считал самоубийство выбором трусов и эгоистов, но вскоре понял, каково это – оказаться в настолько безвыходном положении, что остается лишь одно – покончить с собой. По крайней мере, если ты в тюрьме.

Закаты сменялись рассветами, и каждой клеткой своего тела Том чувствовал, что физически не выдержит еще один день, что его сердце остановится. И в очередной раз обнаруживая, что все-таки жив, искренне верил, что эти сутки точно последние.

Но медленно, очень медленно выучил еще один урок: о том, каким сильным и несгибаемым бывает человеческий дух. Откуда-то изнутри, из недр, о существовании которых и не подозревал, Том ощутил нарастающую перемену. Жгучая обида на несправедливость затихла, сменившись терпением и, наконец, – самое главное – принятием ситуации, в которой он оказался.

Этот процесс длился годы, но в итоге ему полегчало. Жизнь на воле и семья остались в прошлом, превратились в нечто призрачное, словно хороший, но полузабытый рассказ. Том находил утешение в неярких образах из далеких дней: мама и ее домашний тирамису; сладостно-горькое воспоминание о часовой мастерской, которую отец устроил в гараже, когда он был мальчишкой. Том скучал по давно про-

шедшим временам, когда они с отцом что-то мастерили вместе. До того, как между ними все пошло наперекосяк.

Мама приезжала на свидания в тюрьму четко дважды в месяц. Отец – без желания, один или пару раз в год. Порой Том хотел, чтобы мама ездила реже: было так тяжело смотреть ей в глаза, видеть в них боль, отрицание и самое страшное – отчаянную тоску по нему. Мама отказывалась признавать, что он совершил преступление и должен отбывать срок. И даже сейчас, по прошествии десяти лет, ее мнение не изменилось.

За все это время в тюрьме ничего не поменялось, за исключением новых словечек, используемых надзирателями. Арестантов больше не называли «осужденными» или «заключенными» – теперь в обиход вошел термин «постояльцы». Бетонная коробка, в которой жил Том, отныне именовалась, конечно же, «комнатой», а не «камерой». Хотя он еще ни разу не видел, чтобы комната была столь мрачной и неуютной.

Большую часть тюремного срока Том влачил горькое одинокое существование. Кроме последних двух лет. Примерно двадцать месяцев назад в этих стенах, где никогда не происходит ничего нового, кое-что все же *случилось*! То, что изменило его внешний вид, его жизнь, его будущее – и все это благодаря любви и прощению Бриджет Уилсон.

Том переживал, что новость об их женитьбе станет ужасным потрясением для матери. У нее и так пошатнулось здо-

ровье за десять лет. Она принимала лекарства, чтобы справиться с тревожностью и депрессией. Тем не менее парень твердо решил положить конец определенным вещам, которые продолжались так долго, что он почти перестал их замечать.

Например, мама до сих пор разговаривала с ним, будто с пятнадцатилетним подростком, который нуждался в ее помощи, опеке и защите. Хотя на самом деле Том жаждал свободы, чтобы заново построить собственную жизнь. Во время нескольких последних свиданий она ни разу не поинтересовалась, какие *у него* планы на будущее. Зато бесконечно говорила о *своих* планах на него после его освобождения.

Том понимал, что мама желает ему добра. Старается помочь единственным известным ей способом. И все же это была пытка – молча сидеть и кивать в нужных местах. Бриджет рассказывала, как звонила его матери, как пыталась поговорить лицом к лицу через несколько месяцев после смерти Джесса, но та сначала бросила трубку, а потом и вовсе захлопнула перед ее носом дверь.

Мама ни разу не обмолвилась об этом во время свиданий, упомянув имя бывшей подруги лишь однажды, презрительно сказав, что Бриджет наслаждается всеобщим сочувствием как скорбящая мать, посвятившая себя благотворительности.

…Бриджет уже рассказала о свадьбе бывшей девушке Джесса и ее сыну.

– И как они восприняли? – отважился спросить Том.

– Привыкнут. Просто им нужно немного времени, – пожала плечами она.

…Когда несколько недель назад Том решил сообщить о женитьбе своим родителям в день освобождения, идея казалась отличной. Но теперь, когда этот день настал, его одолевали дурные предчувствия. В глубине души Том надеялся, что, если бы он только смог объяснить все матери, она бы нашла в себе силы благословить их брак.

В зале свиданий точно не стоило заводить подобный разговор. Он скажет, когда они выйдут из тюрьмы. Посмотрит матери прямо в глаза и объяснит, почему больше не нуждается в ее опеке. В его жизни произошли такие изменения, о которых он и не мечтал. И все это благодаря Бриджет и ее бескорыстной любви.

…Дверь бокса открылась, и в проеме возник незнакомый охранник.

– Готовы, мистер Биллингерст? За вами приехали родители.

Вот и настал момент, которого Том так долго ждал. Сколько раз он представлял, как победно вскидывает кулаки и кричит в неистовом восторге от вновь обретенной свободы. Вместо этого, чувствуя, как от волнения сосет под ложечкой, взял рюкзак и вышел за дверь. Настало время оставить прошлое в прошлом.

Глава 8

1994 год

Прошло уже три недели с того момента, как Бриджет начала посещать игровую группу с трехлетним Джессом. И за все это время с ней заговорили лишь дважды. Какая-то мама пробормотала «простите», уволакивая прочь свою девочку, рискнувшую подойти к Джессу, а другая мать сообщила, что стул, на который собиралась сесть Бриджет, занят, так как она придерживает его для своей подруги.

Группа располагалась в просторной застеленной ковролином комнате в подсобном помещении библиотеки в Берри-Хиллс – престижном районе на южной окраине Мэнсфилда. Плата за посещение составляла один фунт плюс билет на автобус – сумма, которую Бриджет едва ли могла себе позволить, так как ее недавно уволили из супермаркета. Зато Джесс получал стакан сока и печенье, а для нее находилась чашка кофе или чая. И самое главное – тут было так уютно. Приятная атмосфера и люди с чистыми, безопасными игрушками.

Бриджет поглядывала на качественную одежду, которую носили другие родители. У нее имелось единственное, затасканное почти до дыр бежевое пальто, купленное на распродаже в универмаге три года назад. Под него она надева-

ла две футболки и свитер из полиэстера, чтобы хоть как-то защититься от пронизывающего холода. На правом ботинке из искусственной кожи отклеилась подошва, и пока Бриджет добиралась сюда под снегом с дождем, нога промокла. Присев на свободный стул, женщина стянула ботинок с пятки, чтобы хоть немного подсушить носок.

Несмотря на погоду, Бриджет двадцать минут шагала сквозь снег от ближайшей автобусной остановки только потому, что Джессу здесь очень нравилось. Общение с другими детьми особенно привлекательно, если ты ютишься в полусгнившей развалюхе в бедном квартале. Там Джессу и поиграть-то было не с кем.

Бриджет ощутила прилив любви и гордости, глядя на густые, от природы вьющиеся волосы сына, отросшие, как ей нравилось, почти до плеч. День выдался сырой и холодный, а на Джессе были слишком короткие штанишки на резинке, из которых он уже вырос. Материнское сердце екнуло при мысли, что на фоне нарядных ребятишек из местных благополучных семей среднего класса ее сын напоминает огородное пугало – пусть и симпатичное. Но рвалась сюда, чтобы хоть ненадолго сбежать из окружавшей их убогой реальности. Эмоциональный подъем от того, что они становились частью другого мира, другой жизни – пусть на пару часов, – приносил неоценимую пользу ее душевному состоянию.

Джесс радостно умчался играть, а Бриджет, наконец удобно устроившись на стуле, осмотрелась в поисках приветли-

вого лица. Обе соседки, слева и справа, как бы невзначай отвернулись от нее, занятые разговорами с другими мамами. С людьми своего круга.

Бриджет молча сидела во влажном пальто и отсыревших ботинках, положив сцепленные в замок руки на колени. Вскоре глаза ее закрылись. Выспаться вчера не удалось: соседи устроили очередные пьяные разборки, а под утро что-то с грохотом разбилось о стену. Слава богу, Джесс и ухом не повел. Жившая за стеной Сандра призналась, что во время ссор любит швырять предметы, поэтому Бриджет за нее не переживала. Даже радовалась, что одинока.

Иногда, открывая глаза, она ловила на себе подозрительные взгляды других мам. Замечала, как они аккуратно, едва заметно уводят своих прилизанных сыновей и дочек от маленького Джесса, словно боятся, что слегка неряшливый вид и очевидная бедность могут быть заразны.

Существовала и другая игровая группа, бесплатная, организованная местным советом. Она находилась в паре улиц от их дома, в продуваемом насквозь, пахнущем плесенью церковном зале. Там все дети выглядели как Джесс, а мамы – точь-в-точь как она. Туда ходили люди с такими же проблемами и влачили точно такое же существование. Там на них не стали бы смотреть косо.

Но Бриджет не хотела для сына подобной жизни. Она мечтала, чтобы он рос, общаясь на равных с любыми людьми. Чтобы никогда не чувствовал себя человеком второго сорта,

как она сама в детстве, когда мать просто отвезла ее к тете Бренде и больше не появлялась.

Теперь Бриджет понимала, что тетя Бренда была сильно обижена на ее мать. Увы, женщина отличалась крутым нравом и часто обрушивала свою ярость на юную впечатлительную племянницу даже за самый незначительный проступок. Слова, которые тетя Бренда прошипела ей в ухо на похоронах матери, навсегда отпечатались в памяти: «Ты никчемная. Ничего из тебя не выйдет. Закончишь, как она. Грязной шлюхой, никому не нужной старой уродиной».

Это было последнее, что сказала тетя перед тем, как отправить ее в приют. В пятнадцать лет Бриджет поклялась себе, что выбьется в люди. И, назло тете, не состарится и не превратится в уродину.

Стоило мысленно произнести клятву, как что-то щелкнуло у нее в голове. Бриджет свято верила: как бы трудно ни приходилось в жизни, она будет зубами цепляться за любой шанс и добьется лучшей доли для себя и своего сына. Они станут наслаждаться теплом, уютом и безопасностью. Поселятся в хорошем месте. Бриджет найдет интересную работу и станет трудиться не покладая рук. Встретит достойного человека, который будет ее уважать и поддерживать, и ни за что не свяжется с каким-нибудь местным забулдыгой, способным лишь утянуть вниз.

У нее появится шкаф, набитый самыми лучшими вещами. Она будет следить за своей внешностью. А самое глав-

ное – приложит все усилия, чтобы оставаться молодой, и, в отличие от матери, никогда себя не распустит.

Как именно и когда должна произойти эта чудесная метаморфоза, Бриджет пока не представляла, но детали ее не волновали. Главное, что, вырываясь из своего болота в приятные места, она продолжала верить в свою мечту.

Злобный вопль вывел ее из забытья. Джесс не поделил большой синий грузовик с другим мальчиком. Ростом ниже Джесса, но крепкий и уверенный в себе, соперник нисколько не уступал в драке. Не успела Бриджет и глазом моргнуть, как мама мальчика уже спешила на помощь сыну.

В отличие от других родителей, вырядившихся словно на званый обед, эта женщина оделась, что называется, функционально. Темноволосая, с практичной короткой стрижкой, минимумом косметики, в джинсах хорошего кроя, бежевом кашемировом свитере, темно-синем пиджаке и песочных кожаных туфлях на низком широком каблуке.

Бриджет полагала, что сейчас незнакомка оттащит своего сына от Джесса и кинет на нее злобный взгляд. В душе уже закипал праведный гнев. Однако вместо этого женщина присела на корточки и стала что-то втолковывать обоим мальчикам. Те перестали драться за игрушку и, глядя на нее, кивали. Она поставила грузовик на пол, между ними. Джесс взял несколько лежащих рядом ярких кубиков, и мальчики вместе начали складывать их в кузов грузовика.

Бриджет оставила сумку на стуле и подошла ближе.

– Привет! – улыбнулась она. – Простите за недоразумение. Джессу иногда сложно делиться игрушками. Он редко видит других детей.

– Не переживайте. Том не лучше, – ответила незнакомка, поднимаясь с корточек. – Мамы тут вечно спорят, чей ребенок прав, но это же часть игры, верно? Пусть дети учатся решать свои проблемы, а мы немного поможем. – Она улыбнулась. – Кстати, я Джилл. Джилл Биллингерст. Кажется, я вас видела еще на прошлой неделе.

– Я езжу сюда уже третью неделю. Джессу тут нравится, вот и мотаемся с ним через весь город. Я Бриджет Уилсон.

– Через весь город? Где же вы живете?

Улыбка Бриджет погасла, с языка был готов сорваться уклончивый ответ. Но что толку прикидываться кем-то другим? И Джилл, и большинство здешних мамаш могли сразу сказать, что они с Джессом не из Берри-Хилл.

– Мы живем возле Шервуд-Холл-род.

Возникшая перед мысленным взором убогая сырая лачуга, которую они называли домом, на миг омрачила настроение. Этот район славился тем, что за последние годы стал едва ли не самым депрессивным в стране.

С болью в душе Бриджет приготовилась услышать, что у Джилл внезапно возникли срочные дела; сейчас она уведет своего Тома прочь, чтобы он играл с более подходящим другом…

– Я собиралась выпить кофе, – после секундного коле-

бания произнесла Джилл. – Если не сложно, приглядите за мальчиками, я и вам захвачу.

– С удовольствием. Большое спасибо! – просияла Бриджет, стараясь не выдать удивления.

Она снова уселась, а Джилл пошла к столику с напитками, по пути здороваясь с другими мамами. Бриджет вдруг стало так радостно. Ее приняли! Джилл, безусловно, принадлежала к узкому кругу избранных, но не поленилась проявить внимание к ним с Джессом. Это грело душу. Бриджет была не из робкого десятка: упрямо ходила сюда третью неделю подряд, хотя до сегодняшнего дня никто не удостаивал ее даже улыбкой. Но как же все-таки здорово поболтать с другим человеком!

Она работала на дому, за сущие гроши раскладывая по конвертам инструкции по сборке мебели, и порой они с Джессом дни напролет не видели ни единой живой души. Бриджет наблюдала, как Джесс и его новый друг вместе складывают цветные кубики в грузовик. Мальчики по очереди возили грузовик по большому кругу, а потом дружно выгружали кубики из кузова. Потом игра начиналась снова.

Джилл вернулась, держа в руках небольшой поднос с двумя порциями кофе для них и соками с печеньем для мальчишек. Женщина, сидевшая справа от Бриджет, куда-то ушла, и Джилл села на освободившийся стул. Пока мальчики уплетали печенье и запивали его соком, их мамы разговорились. Оказалось, что Джилл примерно того же возраста, что и Бри-

джет. А ее супруг, Роберт, работает в Мэнсфилде архитектором.

– Надо же, Том еще ни с кем так долго не играл. Сын у нас один растет, и я прямо радуюсь, глядя, как он делится игрушками, – призналась Джилл.

Они смотрели, как мальчики перешли от грузовика к игровому домику из яркой ткани.

– Приходите к нам в гости на следующей неделе. Мы выпьем кофе, а ребята поиграют. Места у нас много, мальчикам будет где побегать.

– Спасибо, Джилл! – не веря своим ушам, поблагодарила Бриджет. – С удовольствием!

Глава 9

Джилл
Октябрь 2019 года

Мы выехали за ворота тюрьмы, и в машине вдруг стало слишком тесно. Все, что я жаждала сказать Тому, молча кружило в голове, ибо мне не хотелось выслушивать очередные язвительные насмешки Роберта.

– Если что, тут есть чипсы, «Фанта» и вода, и даже целый пакет твоих любимых мармеладок! – радостно сказала я, оборачиваясь к сыну, который сидел за отцом.

– Я теперь стараюсь не налегать на сладкое и жирное, мам, – проговорил он, глядя из окна на здания и людей. – Все в порядке, не беспокойся, пожалуйста.

Том вертел головой, провожая взглядом людей и предметы, проносящиеся за окном. Смотрел как завороженный, будто изумляясь, что мир не рухнул, пока он отбывал свой срок. В новой одежде, которую я передала для него при последнем посещении, Том выглядел таким чистым и красивым. Я выбрала темно-синюю куртку «пилот», черные джинсы и белую футболку. Украшений Том не носил, даже часов. Но, целуя сына в щеку, я заметила, что он чисто выбрит и приятно пахнет шампунем и мылом.

– Ты успел пообедать?

– Это тюрьма, а не отель, Джилл. – Пальцы Роберта выбивали нервную дробь на руле.

– Я не голоден, мам, – ответил Том.

Увидев, что его глаза встретились с ледяным взглядом отца в зеркале заднего вида, я почувствовала, как атмосфера в машине накалилась. Старая вражда никуда не делась.

Эта поездка словно перенесла нас на двадцать лет назад. Раз в месяц в выходные Роберт загружал в машину примерно в два раз больше провизии, чем нужно, и мы отправлялись на природу в Нортумберленд. Мы с мужем впереди, а на втором ряду Том с Джессом. Мальчишки слушали музыку через поролоновые наушники с узким металлическим ободком и трясли головами в такт, будто кивающие собачки на торпедах автомобилей. При воспоминаниях о старых временах на душе стало тоскливо.

Выдержав минуту или две в молчании, я решилась нарушить тишину.

– Так сразу и не сообразишь, о чем заговорить, да? – сказала я, снова развернувшись к сыну. – Понимаю, ведь мы тебя не из детского лагеря забираем и не из гостей.

Том вяло улыбнулся, но не проронил ни слова.

– Наверное, казалось, что ты существуешь в каком-то другом мире, в параллельной вселенной?

Телефон, лежащий на колене Тома, вдруг ожил: на экране высветилось сообщение.

– Да, примерно так и казалось, – не глядя на меня, про-

бормотал он.

– А откуда у тебя сотовый? – как бы невзначай поинтересовалась я.

– В тюрьме есть такая схема: те, кто соответствует требованиям, в день освобождения получают не только выходное пособие, но и телефон.

– И все это, конечно, за счет налогоплательщиков, – недовольно буркнул Роберт.

– Удивительно! Кто-то уже знает твой новый номер, – проговорила я. – И кто же тебе пишет?

– Прислали детали тарифа, – тут же ответил Том, печатая в телефоне.

Мне показалось странным, что он отвечает на автоматическое сообщение. Сын заметил мой взгляд и убрал телефон в карман куртки.

– Я думала, что придется ждать в тюрьме или что будут пробки на дорогах, – сказала я, шурша пакетом со снедью, который стоял у меня в ногах. – Вот и накупила закусок и напитков на всякий случай.

– Беда в том, что ты пытаешься приготовиться к любым неожиданностям, – насмешливо произнес Роберт. – Попробуй хоть раз не контролировать ситуацию. Может, тебе даже понравится. Заодно выкинешь таблетки, которые без конца глотаешь.

– Что еще за таблетки? – нахмурился Том.

– Я иногда принимаю успокоительное, – ответила я,

сверкнув глазами на мужа. – Тут не о чем беспокоиться.

– Она не может уснуть по ночам, вот уже несколько лет, – с непонятным злорадством сказал Роберт. – То, что ты сделал, Том, аукнулось очень сильно. Советую не забывать.

– Уж ты позаботишься, чтобы я помнил.

Сжав челюсти, Том уставился в окно, на пролетающие за окном предместья Мэнсфилда.

В машине снова повисло молчание. Еще двадцать минут, и мы дома.

– Чуть не забыла. Роберт, включи нашу музыкальную подборку.

– Мам, честно. Не надо.

– Но это «Oasis». Твоя любимая группа. Я нашла сборник их лучших хитов.

– Я лучше посижу в тишине.

Том буквально искрился напряжением. Я сразу вспомнила, как меня доводили их с Робертом постоянные стычки. А ведь наша поездка домой могла бы проходить в легкой и непринужденной обстановке, мы бы наслаждались приятной беседой, радуясь долгожданной встрече. Даже Роберт.

Том снова достал телефон, проверил, нет ли новых сообщений, и убрал обратно в карман. Его что-то беспокоило.

Я нагнулась к стоящей возле ног сумочке и вытащила оттуда сложенный лист бумаги.

– Том, если ты переживаешь насчет того, как теперь жить, не стоит. – Я украдкой посмотрела на Роберта, но он не от-

рывал глаз от дороги. – Я хотела подождать до дома, но раз мы все равно торчим в машине, решила сказать сейчас.

– Сказать что? – устало спросил Том.

Я развернула лист.

– Первым делом я вбила в поисковик вопрос: «Трудности, с которыми сталкиваются люди после освобождения из тюрьмы». И в ответ появилось столько ссылок! А еще я нашла отличный сайт для родственников осужденных. Ты о нем слышал? У них и горячая линия есть.

– Нет, не слышал.

– Основные проблемы, о которых я узнала, мне удалось решить, так что в новую жизнь ты вольешься легко и просто. Во-первых, жилье. Я нашла чудесную квартиру с двумя спальнями возле парка, которую сдают в аренду. Если поторопимся, успеем ее снять.

Том открыл рот, собираясь ответить, но мне было важно, чтобы сын владел всей информацией, прежде чем принять решение. Поэтому я продолжила:

– Десять лет назад в том районе еще ничего не успели построить. Зато теперь там появились симпатичные магазинчики, а в конце дороги открылось замечательное кафе. Они выставляют перед входом грифельную доску с блюдами дня на завтрак и обед. На прошлой неделе я встретила там Одри. За кофе и круассан мы отдали всего по пять фунтов. Сказка!

– Но я…

– Даже не верится, совсем скоро ты начнешь жить отдель-

но. Никакой спешки нет, просто я подумала, что после стольких лет, проведенных в тесноте, тебе захочется простора. Со временем ты адаптируешься.

Я ждала, что Том ответит, но он молчал.

– В любом случае мы можем взглянуть на квартиру, и ты примешь решение.

– Пусть благодарит судьбу, что не едет в какую-нибудь грязную ночлежку, – заворчал Роберт, словно Тома тут не было.

– Вторая сложность – найти работу. Я позвонила старой знакомой из библиотеки. И… ты не поверишь! Выбила тебе место!

– Какое место? – напрягся Том.

Я предупреждающе выставила ладонь.

– Только не паникуй! Это всего лишь предложение. На тебя никто не давит. Если захочешь попробовать себя в другой области, пожалуйста. Просто я прочитала, что устроиться на работу для человека с криминальным прошлым – задача трудновыполнимая. И нашла вариант, которым ты вправе воспользоваться, если пожелаешь побыстрее вернуться к нормальной жизни.

– Я сам разберусь, – ответил Том, прислоняясь лбом к стеклу. – Мне поможет инспектор по надзору. Я скоро пойду к нему.

– Вот-вот, разберись. И побыстрее, – вмешался Роберт. – Но чтобы не получилось, как в прошлый раз.

Окончив школу, Том продолжил учебу в колледже, но вскоре понял, что ему не нравятся выбранные предметы. Директор сообщил нам, что у него плохие оценки. А потом сын заинтересовался боксом. Он очень обрадовался, когда узнал, что другой местный колледж предлагает годовую программу подготовки специалистов в области науки о спорте. Том ждал начала вступительных испытаний, когда та страшная ночь перевернула его жизнь навсегда.

– Давайте поговорим об этом, когда приедем домой, – совершенно измотанная, я сложила листок и сунула его обратно в сумку.

– Мама несколько месяцев крутилась как белка в колесе, устраивая для тебя все это. – Муж устремил суровый взгляд в зеркало заднего вида. – Мог бы проявить хоть немного благодарности.

– Роберт, все в порядке. Он просто устал.

Том вздохнул.

– Спасибо, мама. Я ценю твою помощь, но вообще-то у меня свои планы. И я собираюсь претворить их в жизнь.

– И какие же? – осторожно поинтересовалась я.

– Я собирался обсудить их позже, – с нажимом ответил Том.

Я представила, как тяжко сейчас сыну, когда на него разом навалилась новая реальность. Больше всего он нуждался в нашей поддержке.

– О деньгах не беспокойся. Чтобы тебе не пришлось крас-

неть, пытаясь завести разговор о финансах, я об этом тоже позаботилась, – с удвоенной энергией заявила я. – Понимаю, слишком много информации сразу, поэтому в детали сейчас вдаваться не стану. Просто хотела, чтобы ты не волновался.

– Рано или поздно ему придется начать зарабатывать самому, – ледяным тоном произнес Роберт. – Я что-то не заметил у нас в саду денежного дерева.

Роберт постоянно ворчал про деньги. Денег на нашем банковском счету в последнее время было, конечно, маловато. Кое-какие сбережения на черный день у нас имелись, но дело не в этом. Я почти безвылазно сидела дома. Следовательно, если деньги вдруг стали исчезать, значит, их тратил Роберт.

– Я и собираюсь зарабатывать самостоятельно, – заявил Том.

Меня поразила решимость в его голосе.

– Сгораю от нетерпения услышать, как именно, – исходил ядом Роберт.

Я включила музыку на самую малую громкость. Том закрыл глаза, но я видела, что он лишь притворяется спящим. Его выдавало напряженно застывшее лицо. Том делал так еще в детстве, когда разговор принимал опасный поворот. Я откинулась на спинку сиденья и скрестила руки на груди. Моему мальчику пришлось очень нелегко, и я не винила его за стремление уйти в себя.

Все это мелочи, главное, что он наконец-то дома. Впереди у нас вагон времени, чтобы обсудить его планы. И если вдруг

они окажутся чересчур амбициозными, я знала, что Том не откажется от небольшой помощи.

Он всегда был таким. Если вдруг его заносило не туда, мне лишь стоило в нужный момент переключить внимание. В конце концов, он всегда признавал, что я права.

Глава 10

Бриджет

Том написал, что они выехали из тюрьмы, и напечатала:

«Мне не терпится тебя увидеть! Не могу дождаться, когда мы будем вместе!»

Сейчас они в дороге, а потом все начнется. Многим не понравится наше решение быть вместе, но это *их* проблемы. С точки зрения закона, мы с Томом семейная пара. Мы через многое прошли, и никто не в силах нас разлучить.

Когда умер Джесс и Тома осудили за убийство, репортеры вдруг страшно заинтересовались этой историей. Особенный эффект ей придавало то, что Том занимался боксом, был лучшим другом Джесса и происходил из уважаемой семьи. Журналисты почуяли сенсацию.

Но даже глубоко скорбя по сыну, я заметила, что тональность статей понемногу меняется. Джесса начали называть заядлым хулиганом, и факт, что в роковую ночь у него был нож, лишь подкреплял это мнение. Никто не упомянул, что оружие представляло собой разрешенный законом швейцарский армейский перочинный ножик, который Джесс всегда носил с собой на случай непредвиденных поломок своего

старого мотоцикла. Между строк все яснее проступал основной посыл: Джесс отчасти сам виноват в своей гибели.

Я всегда признавала: мой сын не идеален. Но неужели эпизодические ребяческие выходки перечеркивают всю его жизнь? Неужели то, что случилось с Джессом, неважно, будто он заслуживал умереть? Конечно нет!

Злость на предвзятое отношение прессы затронула внутренний стержень, служивший мне опорой во все периоды жизни. Этот стержень помогал мне в юности выжить в приюте, годами придавал сил, когда я растила Джесса одна, работая на двух работах, чтобы хоть как-то свести концы с концами.

Я боролась с несправедливым отношением к себе из-за того, что отличаюсь. Из-за того, что бедна. Из-за того, что в одиночку воспитывала сына, который умер насильственной смертью. Сила воли держала меня, как спасательный жилет.

Но как бы ни было плохо внутри, я никогда не подавала виду. Когда старшие воспитанники детского дома давали мне пощечины и обзывали уродиной, я держала спину прямо и давила обиду, пока она не становилась крохотным камешком в желудке. Помню, как осознала: борьба за доброе имя сына – единственное, что я еще могу для него сделать.

За примерами, когда за последние десять лет парни из неблагополучных семей погибали при трагических обстоятельствах, далеко ходить не надо. Их подсознательно воспринимают как неудачников, возможно, из-за отсутствия выс-

шего образования, успешной карьеры.

Я пыталась привлечь общественное внимание и в интернете, и традиционным способом – везде, где только могла. Поскольку Джесс погиб относительно недавно, со мной охотно связались редакции нескольких газет и женских журналов. Понимая, чего они так жаждут, я открыто рассказала о своих переживаниях. Меня сфотографировали с заплаканными глазами, на фоне пасмурного неба. А заодно я упомянула, как огорчена предвзятым отношением к сыну в прессе.

Некоторые газеты вдруг заговорили о необъективности прессы, словно их самих это не касалось. Но самое невероятное – люди стали прислушиваться. Благодаря специалистам Королевской почты, которые сообразили, что конверты, неопределенно адресованные «Бриджет Уилсон, Ноттингемшир (маме Джесса)», предназначаются мне, я стала получать вал писем. Родители, потерявшие сыновей при сходных обстоятельствах, благодарили меня за то, что я высказалась открыто. Они устали от предвзятого отношения прессы и общества.

Активизировались журналисты с просьбой об интервью. Через некоторое время меня начали приглашать выступить в ряде организаций: например, в группах психологической поддержки, в том числе для жертв преступлений.

Моя простая и понятная мысль о доброте и равенстве находила все больший отклик, и вскоре мне начали слать теплые слова со всей Европы и даже из Штатов. Отвечая на

потребность общества и при поддержке неравнодушных инвесторов, я основала благотворительный фонд «Наши сыновья», который быстро набрал популярность и стал успешно работать. Финансирование позволяло оплачивать мой труд в качестве директора, а самой организации вести благотворительную деятельность: мы устраивали платные мероприятия и привлекали пожертвования.

Последние пять лет я посвятила работе в фонде. Это обеспечивало достойный уровень жизни, избавляя от необходимости батрачить на двух работах за гроши. Но я бы, не задумываясь, отказалась от всего, лишь бы снова вернуться в те дни, когда был жив Джесс, а фасоль с хлебом казалась поистине королевским угощением.

После работы меня ждали долгие тоскливые вечера дома. С отцом Джесса меня связывала единственная ночь после пьяной вечеринки. Приезжий парень, которого я больше в глаза не видела. Ни адреса, ни номера телефона. Я даже фамилии его не знала. Зато с Корал мы общались часто. Она училась в одной школе с Джессом и, конечно, хорошо его знала. Но между ними не чувствовалось особой связи. Пока Корал не забеременела Эллисом, я сомневалась, что они вообще были близки. Никто не скучал по Джессу так же сильно, как я.

Слишком много времени прошло, и нашу дружбу с Джилл Биллингерст уже не вернуть. До Корал дошли слухи, будто Джилл стала настоящей затворницей и едва не тронулась

умом от горя. Уволилась из библиотеки и, если не считать подработку в благотворительной лавочке, почти не выходит из дома.

При одной мысли о подобной жалости к себе я закипела. Как не стыдно! Ее сын жив! А ведь мой Джесс погиб именно из-за него! Случайно или нет – это уже отдельный вопрос. И через пару лет *ее сын* начнет новую жизнь, а мой мальчик истлеет в холоде и мраке, в вечном сне под землей.

…Пару лет назад я получила из тюрьмы письмо с приглашением принять участие в программе восстановительного правосудия[6], призванной облегчить психологическое состояние родственников жертв преступлений. К письму прилагался буклет, поясняющий, как это работает. Начать предлагалось с поездки в тюрьму.

…Первые двенадцать месяцев заключения Том слал мне письма с пугающей регулярностью. Я не открыла ни одного. Даже купила шредер для бумаги и поставила у входной двери. Как только конверт с тюремным штемпелем приземлялся на коврик у двери, я тут же с удовольствием превращала эти, как мне казалось, избитые фразы и мольбы о прощении в бумажную мишуру.

Тогда открыть письма от Тома означало бы предать память Джесса. Однако спустя несколько лет я пожалела, что

---

[6] Восстановительное правосудие – новый подход к наказанию за преступление. Это не только решение вопроса о правонарушении, но и попытка исправить вред, причиненный жертве преступления. По сути это искупление вины перед жертвой.

не сохранила их. Что бы я ни думала о Томе, он единственный, кто знал Джесса так же хорошо, как и я. Воспоминания о сыне не угасали, они были словно прекрасные живые цветы, которые жалко прятать под гнетом скорби, как делала я последнее время.

Именно эта мысль и заставила меня заполнить вложенную в конверт форму. Под влиянием порыва, не давая себе времени передумать, я бросила конверт в почтовый ящик в конце улицы. Через три дня на электронную почту пришел документ, подтверждающий мое первое посещение заключенного Ноттингемской тюрьмы Ее Величества №A1756ТФ Томаса Биллингерста неделю спустя.

Утром перед поездкой в тюрьму меня подташнивало. Я слонялась по дому в ночной рубашке, не в силах проглотить ни кусочка. Посещение было назначено на два часа дня. Все еще сомневаясь, стоило ли в это ввязываться, я заставила себя принять душ и одеться. Я надела джинсы, водолазку и кожаную куртку. Волосы убрала в хвост, макияж сделала минимальный. Просто нанесла консилер, чтобы скрыть темные круги под глазами, и пару раз махнула кистью с бронзером, пытаясь немного оживить бледную кожу.

Тюрьма располагалась в Шервудском районе Ноттингема, примерно в получасе езды от Мэнсфилда. Вопреки моим ожиданиям, дороги оказались не сильно загружены, и я приехала раньше времени. Минут двадцать я прождала на парковке в машине. Слегка отклонила сиденье назад и, прикрыв

глаза, слушала музыку.

Когда я вместе с толпой других посетителей вошла в здание тюрьмы, досмотр и прочие проверки заняли еще минут пятнадцать. Зал свиданий представлял собой большое мрачное помещение с квадратными столиками и пластиковыми стульями на гнутых металлических ножках. Звуки там отдавались эхом. Мы друг за другом проходили мимо надзирателей со скучающими лицами, которые стояли повсюду, как часовые, и садились за свободные столики.

Казалось, ожидание будет длиться вечно. Несколько раз я чувствовала, что меня вот-вот стошнит прямо здесь, при всех. Я уже хотела бросить все и уйти, но тут в дверях показался Том. Он заполнил собой весь дверной проем – словно великан рядом с коротышкой-надзирателем и другими заключенными, которых вели колонной.

У меня перехватило дыхание. Я не поверила глазам. Мальчик, которого я помнила, сильно вымахал и стал гораздо шире в плечах. Ежик темных волос превратился в длинные вьющиеся пряди, а из-под густых бровей смотрели карие серьезные глаза. На сильной челюсти пробивалась легкая щетина, черты лица обозначились резче, будто их высекли из камня.

Этот заматерелый угрюмый мужчина ничем не напоминал вежливого скромного мальчика, который рос на моих глазах. Я на всякий случай махнула рукой, но Том уже направлялся к моему столику, не сводя с меня пристального взгляда.

– Бриджет, – произнес он низким хрипловатым голосом, садясь напротив. – Спасибо, что пришли. Даже когда вы подтвердили посещение, я не был уверен, что мы увидимся.

– Я и сама до последней минуты не была в этом уверена.

Том сидел совсем рядом, и его близость меня до нелепости разволновала. Чего я ожидала? Сложно сказать, но только не этого. За прошедшие восемь лет Том Биллингерст вырос и возмужал. Однако в нем не ощущалось и следа самонадеянности, лишь зрелость характера. Передо мной предстал уверенный в себе, но по-прежнему скромный человек.

Том положил руки на край стола и сцепил пальцы в замок. Я заметила короткие опрятные ногти, темную поросль на тыльной стороне ладоней, которая становилась гуще на мускулистых руках.

– Я так долго ждал этой встречи, – негромко сказал он, глядя мне в глаза. – Бриджет, я хочу попросить у вас прощения. Я очень, очень сожалею, что Джесс погиб из-за меня. Из-за того, как я повел себя в ту ночь, – его голос сорвался. – Я даже не предполагал, что такое может случиться. Я должен был отступить, уйти, но не реагировать.

Так все и началось. Я взглянула на свою левую руку с простеньким золотым обручальным кольцом на пальце. Сегодня мы с Томом начнем новую жизнь. Вместе.

Глава 11

Джилл

Когда Роберт припарковался, я первая вышла из машины. Я воображала этот момент тысячи раз! Представляла, как Том пытается сдержать эмоции, снова глядя на отчий дом после стольких лет.

По обеим сторонам крыльца я повесила цветочные кашпо, а в деревянный ящик под окном высадила жизнерадостные анютины глазки и фиалки. Отдраила входную дверь, покрытую блестящей зеленой краской, а возле порога бросила новенький плетеный коврик с надписью «Дом, милый дом».

Я смотрела, как Том, крепкий, широкоплечий, выходит из машины. Сын взглянул на дом лишь мельком, и я с нарастающим беспокойством видела, как сдвинулись его темные брови. Сжав губы, он вытащил из багажника сумку и рюкзак.

– Добро пожаловать домой, сынок! – с этими словами я вложила в руку Тома его старый ключ от двери.

Том, не глядя, сунул его в карман.

– Спасибо, мам, – буркнул он, пока мы заходили в дом.

Слезы заволокли мне глаза. Я открыла дверь, Роберт прошел мимо нас и исчез в своем кабинете.

– Том? Что происходит? Что-то не так? – едва слышно спросила я, когда Том зашел внутрь.

– Ничего, – ответил он, слегка растянув губы в улыбке. – Просто устал.

Я выждала пару минут, заметит ли он обновленный холл. На полу вместо старого уродливого покрытия теперь красовались симпатичные доски из светлого дуба. Джоэл, наш мастер, трудился больше года, чтобы освежить интерьер во всех комнатах первого этажа специально к этому важному дню. К нашему новому началу.

– Можно подумать, мы готовимся к визиту королевской особы! – ворчал Роберт. – Столько лет мы здесь жили, и нас все устраивало. И вдруг ты затеяла ради него ремонт.

– Не совсем ради Тома, – ответила я тогда, тренируя самообладание. – Это символ того, что в жизни каждого из нас начинается новая глава.

Роберт презрительно хмыкнул и удалился. Но я упрямо верила, что мы станем жить единой семьей.

…Признаю, я расстроилась, когда Том не заметил моих усилий. Он даже не обрадовался возвращению домой.

– Проходи на кухню. Я сделаю тебе чай и сэндвич.

– Я бы хотел прилечь, если ты не против. Немного прийти в себя.

– Отдыхай столько, сколько нужно, – кивнула я, немного растерявшись.

Странно, что после десяти лет в разлуке с семьей Том первым делом пожелал уединиться.

– В полпятого позову на чай!

Я представила, как бы Одри развеяла мои сомнения: «Ну конечно, Том хочет побыть один, Джилл. Он так привык!» А потом обняла бы меня и, закатив глаза, произнесла: «Это не потому, что ему плохо дома».

Том понес свои сумки наверх. Я отправилась следом и смотрела, как он замер на пороге своей комнаты. Со щемящим сердцем я наблюдала, как Том медленно обвел ее взглядом. Над кроватью по-прежнему висел плакат футбольного клуба «Manchester United», на письменном столе виднелась коллекционная фигурка из киносаги «Звездные войны», на подоконнике стояли боксерские призы и награды.

Я убирала в комнате сына каждый день, протирала вещи от пыли, а в прошлом месяце вычистила его шкаф и комод, освободив для новых вещей.

– Я оставила все так, как было в тот день, когда тебя забрали, – с нежностью в голосе сказала я, стоя позади Тома.

– Но зачем? – Он удивленно уставился на меня. – В смысле, не стоило так беспокоиться. Вы с отцом могли бы использовать мою комнату.

– И для чего же, например? – рассмеялась я. – Это *твоя* спальня, Том. Она таковой и останется, даже когда ты женишься и станешь жить со своей семьей.

– К половине пятого спущусь на чай, – с непроницаемым лицом ответил он.

А затем шагнул в спальню и мягко прикрыл за собой дверь, оставив меня стоять на лестничной площадке.

Возвращение в отчий дом и в собственную комнату наверняка вызвали в нем бурю эмоций. Я не ожидала от сына такой реакции, но была уверена, что волноваться не стоит. Его поведение совершенно нормально… ведь правда?

Роберт, как обычно, заперся в кабинете, Том – у себя в спальне, а я, как это часто бывало, осталась на кухне одна. Налила себе стакан воды из встроенного в холодильник кулера и села завтракать. На душе вдруг стало тяжело и тоскливо. Безусловно, я понимала, что в реальности возвращение Тома окажется не таким, каким я его представляла, но в итоге… Честно говоря, как бы я ни убеждала себя, что все в порядке, на самом деле мои надежды вообще не оправдались.

И тут меня осенило: я навыдумывала всякой сентиментальной чепухи, настроила воздушных замков. Выход на свободу после десятилетнего заточения в тюрьме никак не мог пройти для Тома легко. Но самым большим откровением для меня стало то, как много всего забылось: ежедневная напряженность, угрюмая атмосфера, чудовищное давление, которое я испытывала, пытаясь сохранить мир между Робертом и Томом, сгладить конфликты до того, как они вспыхнут. Как же я выматывалась, принимая на себя роль громоотвода, впитывая раздражение и негатив, которые, словно электрические разряды, с треском пробегали между отцом и сыном. А ведь в детстве я точно так же старалась предотвратить ссоры между родителями.

Когда мне стукнуло десять, мы разорились, потеряли дом и очутились в съемной лачуге с одной спальней. Я решила, что если буду примерно себя вести, то папа бросит пить, а мама перестанет на него кричать, и они не разведутся. И все наладится. Жизнь потечет, как прежде.

И теперь, в день освобождения Тома, я вспомнила, каких усилий мне стоило долгие годы поддерживать видимость дружной счастливой семьи. Я сомневалась, хватит ли мне решимости снова взвалить на плечи это бремя, но в глубине души понимала, что иного пути нет.

Ровно в 16:30 я позвала Тома. Он спустился через пять минут, с еще влажными после душа волосами, в серых спортивных штанах и белой футболке. Отдохнувшим сын не выглядел. Он застыл на пороге кухни, покусывая большой палец, глаза бегали по сторонам. Роберт прошел к столу, не говоря ни слова.

– Располагайся, сынок, – улыбнулась я. – Я приготовила твое любимое блюдо, а на десерт будет тирамису.

Я поднесла еще булькающую домашнюю лазанью к столу, за которым в гробовой тишине сидели Роберт и Том. Я понимала, что в первый день дома сын может чувствовать себя непривычно. Я приготовила обед накануне в надежде, что мы спокойно поедим, выпьем чаю. А потом я спрошу Тома, не хочет ли он взглянуть на квартиру, которую я для него нашла. Узнаю, не планирует ли он возобновить старые знакомства с ребятами из боксерского клуба.

Водрузив глиняную форму с лазаньей на подставку под горячее, мгновение спустя я вернулась с большим плоским блюдом, на котором лежала фокачча с розмарином, и миской с нарезанным зеленым салатом.

Том вытащил из кармана телефон и положил рядом со своей тарелкой экраном вниз. Глаза Роберта недобро сузились – он терпеть не мог телефоны за столом. Но муж отвернулся, ничего не сказав, и я тихо выдохнула.

Я разделила лазанью на три части и собиралась уже переложить порцию на тарелку Тома, но он предостерегающе выставил ладонь:

– Мам, мне только половину.

– Но это же твое любимое блюдо. – Я вернула кусок обратно в форму. – Раньше ты сметал его за считаные секунды.

Как ни смешно, но я чуть не расплакалась. Том кинул на меня обеспокоенный взгляд.

– Да. Прости, но… я не голоден.

– Я ограничусь сэндвичем, – заявил Роберт, с громким хрустом разворачивая газету. – Иначе новый приступ подагры мне обеспечен.

– Зря ты столько для меня наготовила, мам. – Том положил себе немного салата. – Но выглядит вкусно.

– Поскорее бы закончился этот цирк, – пробормотал Роберт, не отрывая глаз от газеты. – Хотя на что я надеюсь!

Том отложил вилку и уставился в тарелку. Прекрасно зная отца, он привык, что лучше всего не обращать на колкости

внимания. Но теперь Том изменился, и от него волнами исходило возмущение. Я поняла, что с тех пор как сын сел в машину, он был как сжатая пружина. И сейчас вел себя так, словно вообще не желал оставаться здесь с нами.

– Роберт, пожалуйста, не заставляй Тома чувствовать себя так, словно он тут лишний. – Я уронила кусок лепешки, и запеченные иголочки розмарина усыпали стол, словно дохлые мошки. – Я хотела, чтобы наш первый семейный обед прошел идеально. Пожалуйста, не порти его.

– Как он может пройти идеально? – скривился Роберт. – Человек только что отмотал десятку за убийство лучшего друга, а ты делаешь вид, будто мы идеальная семейка из реалити-шоу! – Он швырнул скомканную газету на пол и встал из-за стола. – Я чай не буду. Вспомнил, что мне кое-куда нужно съездить.

– Не уходи! Одну минуту! – Том так резко вскочил со стула, что на моей тарелке звякнули приборы. На лице Роберта отразилось изумление. – Мам, пап, мне надо вам кое-что сказать. Это действительно важно.

В кухне повисла напряженная тишина. Я затаила дыхание – вот он, критический момент. Сын, наконец, поделится тем сокровенным, что не дает ему покоя с первых минут нашей встречи. И новость эта серьезная.

Том посмотрел на меня, и я увидела в его глазах страх, безмолвную мольбу. Лицо сына осунулось, побледнело. Я знала: то, что он собирается сообщить, перевернет все.

Наконец я медленно выдохнула, а Роберт снова сел за стол.

– Ну хорошо, если тебе приспичило. Господь свидетель, я не сильно скучал по этим театральным сценам.

– Я хочу сказать спасибо. За все, что вы оба сделали. Особенно тебе, мам. – Казалось, Том репетировал свою речь. – Что бы вы обо мне ни подумали, когда услышите следующие мои слова, знайте, я правда ценю ваши усилия и сожалею о позоре, который навлек на нашу семью.

Я терялась в догадках: Том говорит о ночи, когда погиб Джесс, или подводит к тому, что лишь собирается сказать?

Слыша тихий дрожащий голос сына, я с усилием выговорила:

– Ты никогда не навлекал на нас позор.

Тишина в кухне давила, словно на нас троих вдруг сошла снежная лавина. Том уставился на стол, будто забыв, что мы все еще тут. Роберт застыл, глядя прямо перед собой.

– Мам, ты не в курсе, но года два назад я принял участие в программе для заключенных. Вы когда-нибудь слышали о восстановительном правосудии?

Том посмотрел на меня, а затем перевел взгляд на Роберта.

– Я да, – коротко ответил муж. – Это когда преступники искупают вину за совершенное деяние, так?

– Отчасти да. – Том повернулся ко мне. – Программа нацелена на примирение с жертвами преступлений и их семья-

ми, мам.

– Но Джесса нет, и с ним уже не помириться, – непонимающе нахмурилась я, борясь с накатывающей тошнотой от запаха лазаньи и опаленного розмарина.

Том опустил глаза и сцепил руки в замок. Роберт засопел.

– Бриджет тоже в этой программе, – осторожно проговорил Том.

– Что? Откуда тебе известно? – смысл сказанного ускользал от меня.

За словами сына явно крылось нечто очень важное, но я не улавливала суть.

– Я и Бриджет решили попытаться. Вдруг сработает? Дважды в месяц мы встречались, и с помощью кураторов программы…

– Вы виделись с Бриджет?! – прошептала я. – Да как же они там допустили такое?

– В этом и есть главная цель программы. Осознать горе, которое я причинил, и постараться наладить отношения с семьей Джесса. С его мамой.

– А я думал, меня уже ничем не удивить, – фыркнул Роберт.

Я словно окаменела.

– У меня нет слов! Тебя заставили стоять на коленях перед этой женщиной! – В груди закипала жгучая ярость.

– Я согласился добровольно. Меня никто не заставлял.

– С Джессом произошел несчастный случай. Ты сам так

говорил! Ты не собирался его убивать.

– Но он *умер,* – Том развел руки в стороны, словно показывая, что ничего не скрывает. – Несчастный случай или нет, но Джесс умер *из-за меня*. Неужели ты не понимаешь?

– Он кинулся на тебя с ножом, и, следовательно, это была самозащита! Ты не заслужил столь долгий срок!

– Присяжные решили, что той ночью Джесс погиб из-за меня, и признали виновным, – произнес Том заученным тоном, устав повторять одно и то же снова и снова. – Я мог бы уйти до того, как мы сцепились, но не ушел. Я несу полную ответственность за свой выбор и никогда себя не прощу.

Я уставилась в стену. Я ездила на свидания к Тому дважды в месяц на протяжении всего срока и ничего не знала об этой нелепой программе. Оказывается, Бриджет тайно виделась с моим сыном. Впрочем, я заметила, что он изменился, но не догадывалась, в чем причина. Том воспрял духом, повеселел, держался увереннее, но я объясняла это приближающейся датой освобождения. Я полагала, его радует скорое возвращение домой.

…Когда сыну исполнилось шестнадцать, он начал заниматься в местном боксерском клубе. Вскоре тренеру – его звали Кенни, тоже из нашего города – стало ясно, что Том обещает стать отличным спортсменом-любителем. Сын начал тренироваться несколько раз в неделю. Причем нам не сказал ни слова. Даже успел принять участие в двух любительских соревнованиях, когда кто-то поинтересовался у Ро-

берта, не его ли сын тот молодой перспективный боксер, не проигравший ни одного боя.

Роберт был впечатлен. Он признался, что не думал, будто у Тома есть склонность к боксу. А я не одобрила. Сказала, что бокс – варварский спорт. Но больше всего меня интересовало другое: почему, ради всего святого, он скрывал от нас свои занятия? Я не могла взять в толк, как он мог ввязаться в такое серьезное дело, не сказав нам? Но ответа так и не получила.

– Теперь ты знаешь то, о чем я догадывался давным-давно: наш сын умеет скрытничать и лукавить, – сказал тогда Роберт.

Том продолжил заниматься боксом, и весьма успешно, но в итоге это его и подвело. По мнению суда, тот единственный удар, который он нанес Джессу, был совершен намеренно, с целью убить. И поэтому сын получил гораздо более суровый приговор.

…Том по-прежнему не сводил с меня глаз. Щеки сына раскраснелись.

– Мам, есть еще кое-что, – запинаясь, проговорил он. – Это для вас очень неожиданно. Сразу прошу прощения, но…

– Это еще что? – Роберт наклонил голову, прислушиваясь.

Том судорожно сглотнул и замолчал. И тут я тоже услышала. Тихий стук.

– Кто-то пришел. – Я встала из-за стола. – Сейчас я от них

избавлюсь.

– Нет-нет! Я сам. – Том поспешил к входной двери. – Подождите тут. Я мигом.

Роберт хмыкнул и одарил меня взглядом, означавшим «я же говорил». Мы оба молча сидели на кухне. Хлопнула входная дверь, затем раздался тихий взволнованный голос Тома. Потом заговорила женщина. Слов я разобрать не могла… стоп! Она хихикнула?!

Мы с Робертом переглянулись. Я не могла прийти в себя от изумления. Послышались шаги, и в кухню вошел Том, а за ним Бриджет Уилсон. Запах остывающей на столе лазаньи вдруг сделался невыносимым, и я судорожно прикрыла ладонью нос и рот.

– Бог ты мой! А *она* что тут забыла? – пророкотал Роберт.

Желудок скрутился в тугой узел. Я не могла говорить, не могла дышать. К горлу подкатила тошнота.

– Мам, пап, – размеренным тоном проговорил Том, – мы с Бриджет полюбили друг друга. Полгода назад мы расписались в тюрьме. И сегодня начинаем новую жизнь – как муж и жена.

Глава 12

Я посмотрела на Роберта, а он, с открытым от изумления ртом, на меня. Я с трудом подавила дикое желание расхохотаться – все происходящее казалось полным бредом.

Бриджет Уилсон *здесь*. В этой самой комнате, дышит одним воздухом с нами! Стоит на пороге *моей* кухни, а *мой* сын чуть позади нее, да еще и руку на плечо ей положил, словно защищать собрался!

– Привет, Джилл! – доброжелательно поздоровалась Бриджет, затем перевела взгляд на моего мужа. – Роберт!

Она похудела с тех пор, как мы виделись в прошлый раз. То было, когда Бриджет приходила к нам домой через несколько месяцев после смерти Джесса. Она и тогда не страдала от лишнего веса, но выглядела изнуренной и тощей. А теперь передо мной предстала стройная загорелая женщина. Волосы приобрели более светлый оттенок, чистая кожа сияла здоровьем. Глаза стали ярче, живее.

Бриджет прошла в кухню, и они с Томом встали рядом. Бок о бок. Как пара. У меня вмиг перехватило дыхание.

– Что же это за программа, после которой вы решились на такой шаг? – требовательно спросил Роберт. – Уже вижу заголовки: «Мать вышла замуж за убийцу своего сына».

– Пап, хватит! – лицо Тома мгновенно помрачнело.

Бриджет заговорила тихим кротким голосом, который так

не вязался с ее решительным поведением:

– Понимаю, для вас это неожиданность, но программа потрясающая. Она позволила нам простить друг друга и двигаться дальше. Вместе.

Вместе? Даже осознавая факты, я отказывалась воспринимать это слово. Оно проникло в мои уши, словно яд, и отравляло тело. Мой организм восставал против него. Голова наполнилась звоном, и я будто отгородилась от происходящего толстым слоем невидимого стекла. Я слышала все, что говорили, но смотрела как бы со стороны.

– Том, – с нажимом произнес Роберт, – я вижу, тебе здорово промыли мозги. – Программа и то, что случилось… Это неправильно. Открой глаза. Она же тебе в матери годится, черт возьми!

– Я знаю, что делаю. И не лезь в это, – отрезал Том, видя, что найти общий язык с отцом не получится. – Понимаю, ты в шоке, мам, но поверь, это случилось не вдруг. Бриджет начала приезжать ко мне два года назад, и, проходя программу, мы полюбили друг друга.

– С меня хватит! – Роберт резко встал из-за стола. – В жизни не слышал такого бреда.

– Какой же это бред, Роберт? – спросила Бриджет, скрестив руки на груди. – Неожиданно, необычно, но совершенно точно не бред. Наша с Томом любовь очень даже реальна.

– У вас разница в двадцать лет! – расплакалась я. – Так не делается.

Том посмотрел на меня в упор, и я заметила у него под глазами темные круги. Его тяготила эта тайна, но теперь я увидела в лице сына нечто еще. Внутренний свет. Свет, который Том все это время пытался скрыть. Вот почему он ушел к себе в комнату, когда мы приехали домой. Не из-за усталости, а потому что оберегал свой секрет. Их общий секрет.

Я прикрыла глаза, переваривая новость, что теперь рядом с моим сыном будет *она*. В качестве *жены*. Я с ужасом отогнала очевидную мысль: сегодня ночью она займется с ним *любовью*.

Из моей груди вырвался сдавленный стон.

– Мам, прошу, выслушай нас, пожалуйста! – бледное лицо Тома выражало непреклонность.

Они стояли бок о бок – сильные, уверенные друг в друге. Полные решимости заявить о своей нелепой любви. Но мой сын *действительно* полюбил. Тома переполняла любовь, она окружала его сияющим ореолом. Мой сын с такой нежностью смотрел на Бриджет, так ласково касался ее руки…

Я не могла понять, отвечала ли Бриджет ему взаимностью. Всегда такая спокойная, собранная, полностью контролирующая ситуацию. Том напоминал агнца, которого вели на заклание.

Вскоре Роберт и Том негромко беседовали. Оба старались держать себя в руках, а Бриджет периодически вставляла слово. Со мной никто не заговорил, даже не посмотрел в мою сторону. Кухню заполнил мерный гул их голосов, но я не

вникала в суть разговора. Я отчаянно пыталась не думать о чудовищности ситуации и приготовиться к неизбежным последствиям. Что скажут люди? Соседи, пресса… Весь город!

В частности, как Том собирается провести бóльшую часть жизни с женщиной, на двадцать лет старше себя? С женщиной, которая публично обвинила его в гибели своего сына? Совершенно ясно, что Том еще не до конца осознал, во что ввязался. Он только-только вернулся в реальный мир. И тут я поняла, что произошло.

Если в двух словах, долгий срок в тюрьме сделал его крайне уязвимым, и *она* этим воспользовалась. Мой мальчик начисто забыл, как играл с Джессом у них дома под присмотром Бриджет, когда был еще малышом. Она даже меняла ему подгузники, как и я когда-то Джессу. Забыл, как лет в пять-шесть звал ее «тетя Бриджет». Когда мальчики повзрослели, они часто оставались друг у друга с ночевкой. Я собирала Джессу еду в школу, гладила форму, и Бриджет делала то же самое для Тома.

А теперь она вышла за него замуж. За маленького мальчика, о котором заботилась как вторая мама. Да, Тому почти тридцать, но из памяти не сотрешь. Это было – я просто не могла подобрать иного слова – *непристойно*! Я чувствовала себя опустошенной. Раздавленной.

Я провела пальцами по щеке, ощущая влагу.

– Это омерзительно, – прошептала я. – Гадко.

И тут я поняла, что не шепчу, а выкрикиваю слова. Том

смотрел на меня с тревогой, губы Роберта скривились, а глаза смотрели недобро, но я уже не могла остановиться. Не могла больше сдерживаться.

– Ты потеряла своего сына, а потом затаилась, выжидала и теперь решила забрать моего? Так?! – срывая голос, орала я. – Ты хочешь украсть его будущее, разрушить его жизнь! Вот она, твоя месть!

Я дернула плечом, освобождаясь от чьих-то рук, мягко тронувших мои плечи. Я вышибла протянутый мне стакан воды. Надо мной нависли озабоченные лица, все превратилось в одно расплывчатое пятно. Я почувствовала, как внутри что-то оборвалось, грудь парализовал панический страх.

– Уйди ради бога! Убирайся! – орал Роберт на Тома. – Ты сведешь мать в могилу! Она никогда не примирится. Это ее доконает. Вот что ты наделал!

Глава 13

Бриджет

На обратном пути мы почти не разговаривали. От родителей Тома мы выскочили как ошпаренные. Он рванул наверх, схватил сумку с рюкзаком и выбежал на улицу, будто сбежавший подросток. Потом прыгнул на пассажирское сиденье и замер, сцепив руки. Мой «Mercedes» плавно помчался по Мейн-род, а Том все смотрел в окно невидящими глазами.

– Послушай, не кори себя. – Придерживая руль одной рукой, я слегка наклонилась и похлопала Тома по мускулистому бедру. – Ты правильно сделал, что сразу же рассказал родителям. Не твоя вина, что они не одобрили наше решение.

Том не произнес ни слова. Проехав примерно половину длинной широкой улицы, я припарковалась за серебристым «BMW» и заглушила мотор.

– Симпатичная «бэха», – отметил Том. Ему с детства нравились машины этой марки.

– Вот мы и дома.

Том посмотрел на меня, потом на трехэтажный особняк из красного кирпича. Я чувствовала себя непривычно: мой муж впервые видел место, где мы собираемся начать семейную жизнь.

– Это твой дом? – задохнулся он.

– Ага, целиком мой, – кивнула я, польщенная его реакцией. Я нарочно не упоминала о доме, чтобы сделать сюрприз. – Точнее, будет моим, когда я выплачу кредит. Но вообще-то, он наш. *Наш с тобой* дом.

Я с удовольствием наблюдала, как Том вышел из машины и уставился на здание. Он вытаращил глаза и приоткрыл рот от изумления. За это я обожала Тома – с самого детства и до сих пор он отличался бесхитростностью. Джесс ловко умел скрывать свои чувства, а Тома можно было читать как открытую книгу.

Десять лет назад, когда Том часто приходил к нам в гости, чтобы зависнуть с Джессом в «норе» – так мой сын называл каморку, в которой не помещалась даже нормальная кровать, – наше жилище выглядело совсем иначе. Том знал, что я недавно переехала, но, очевидно, ожидал увидеть гораздо более скромный дом.

– Потрясающе, – выдохнул он, не в силах оторвать глаз от особняка. – *Ты* потрясающая, Бридж! Как многого ты добилась!

Благодаря пожертвованиям, полученным после смерти Джесса, и моей довольно большой зарплате в фонде, два года назад я приобрела этот дом на стадии застройки. Внесла солидный первый взнос, а на остальную часть оформила кредит. Здание входило в новый комплекс трехэтажных особняков в престижном районе в каких-то пяти километрах от места, где вырос Том.

Сады позади новеньких особняков были довольно скромные, так как цена квадратного метра здесь просто зашкаливала. Зато виды, открывавшиеся из окон парадных фасадов, действительно впечатляли. Окна спальни на третьем этаже позволяли увидеть раскинувшиеся невдалеке огромные поля и леса.

Впрочем, я припасла для мужа еще один сюрприз. Я вынула из сумочки ключи от машины и протянула ему.

– Пустишь меня за руль своей машины? – с улыбкой спросил Том.

– В этом нет нужды, – ответила я, кивнув в сторону «BMW». – Теперь у тебя есть своя.

– Что?!

– На работе продавали. Я понимала, что цена отличная, вот и… считай, что это мой подарок к твоему возвращению.

– Не может быть!

Том выхватил ключи и рванул к машине. Потом развернулся ко мне, поцеловал.

– Спасибо! Большущее спасибо, Бридж! Фантастика. Я раньше водил только мамин крошечный «Ford».

– Если только ты не собираешься торчать тут целый день и восторгаться приборной панелью, давай-ка лучше зайдем внутрь, – рассмеялась я и повела Тома по дорожке к блестящей черной двери. – Твои вещи из машины заберем позже, а пока небольшая экскурсия!

Я показала Тому первый этаж: огромную кухню с рядами

глянцевых черно-белых шкафов, столовую, гостиную, белоснежные потолки с россыпью серебристых лампочек. Сквозь высокие раздвижные двери мы вышли на большую террасу со встроенной чашей для костра, а оттуда шагнули на скромный, но достаточно просторный газон.

Окна верхних этажей двух соседних домов выходили на наш внутренний дворик. Я указала на ряд щуплых саженцев:

– На следующий год хвойники подрастут и скроют нас от посторонних глаз. Долгие летние вечера с барбекю на террасе. Что скажешь? – спросила я, направляясь в дом, к лестнице со стеклянной боковиной.

Том сгреб меня в охапку, и я взвизгнула от неожиданности.

– Скажу, что это звучит, как сказка.

Он уткнулся носом мне в шею, и я задрожала. Словно легкий электрический ток пронзил мое томящееся от желания тело. Я нарочно нанесла духи, которые нравились Тому. Я всегда брызгалась ими, когда приезжала на свидания. Он говорил, что они пахнут жженым сахаром.

– Все, о чем мы говорили, о чем мечтали, стало реальностью, – напомнила я. – И поэтому тебе нужно набраться храбрости и преодолеть ближайшие несколько недель с родителями. Джилл скоро объявится, я уверена.

Том закусил губу и отступил назад.

– Понимаю, – произнес он. Но я догадывалась, что он *не* понимал. Не совсем.

Как я и думала, Джилл категорически не одобрила нашу женитьбу. Недаром Том решил сыграть свадьбу в тюрьме. Это было отличным решением. «Можно устроить празднование для родных и друзей, когда они примут наш выбор, но, как верно подметил надзиратель, если на день освобождения мы уже муж и жена, то нам никто не сможет помешать», – сказал тогда Том. И я согласилась. На самом деле он имел в виду, что *Джилл* не сможет нам помешать.

Придя к ним домой, я была готова к непростому разговору, но реакция бывшей подруги просто ни в какие ворота не лезла. Мы спокойно беседовали, как вдруг Джилл начала издавать нечленораздельные звуки, а потом с ней и вовсе случился припадок. И Роберт в панике выпроводил нас из дома.

Выглядела Джилл ужасно – гораздо старше своих лет. Каштановые волосы, всегда подстриженные в аккуратное каре, отросли, превратились в бесформенную массу и поседели. Одежда смотрелась так, словно она откопала ее в своей убогой благотворительной барахолке. По-видимому, ее не волновало, подходящего ли размера вещи. Грязно-коричневая юбка, свитер с круглым вырезом и кардиган – все висело на худосочном теле мешком. Если бы Джилл не повела себя как сумасшедшая истеричка, чем сильно огорчила Тома, ее оставалось бы только пожалеть.

Роберт тоже постарел. Правда, его черты стали более резкими, чеканными – он был из тех мужчин, которые с годами становятся лишь привлекательнее. Мне хотелось отвести

Джилл в сторонку и предупредить, чем все это может кончиться. Я ей рассказывала, как мой папа бросил маму, когда той исполнилось сорок, ради девчонки вдвое моложе. Женщине нужно следить за собой, оставаться юной и подтянутой. Вот поэтому я любила общаться с молодыми – мне казалось, что так я не постарею.

– Бридж? Ау? Вызывает Земля! – позвал Том, помахав рукой перед моим лицом.

– Прости, – улыбнулась я. – Вот, задумалась, как долго я ждала, чтобы ты оказался здесь, в нашем новом доме. А теперь наверх!

– Читаешь мои мысли! – Он многозначительно подмигнул, и у меня в животе защекотало. Ощущение, которого я не испытывала с подросткового возраста.

Том взбежал по лестнице наверх; мощные ноги легко перемахивали через ступеньку. Я поднималась следом. Боже, какая у него спортивная фигура. На середине пролета он вдруг замер, и я нервно сглотнула. Том увидел фотографии.

– Ты же не против? – я встала рядом и обняла его за талию. – Я имею в виду снимки.

– Нет, конечно. Я так и думал, что наверху будут фотографии. – Том пригляделся к одной из них. – Ого! Ты меня отсюда вырезала?

Этот снимок с обоими мальчишками я сделала сама. На школьных каникулах я отправилась с ними в городской парк. Джилл тогда еще работала в библиотеке. Джесс и Том лазали

по «паутинке» на детской площадке, а я дремала на пледе, греясь в солнечных лучах. Пока друзья ловили мальков яркими сачками и бросали их в банки из-под варенья, я подкралась сзади с фотоаппаратом. Залюбовавшись оживленным лицом сына, я окликнула обоих мальчиков. Они обернулись, и я запечатлела этот миг.

– Первое время после смерти Джесса я не могла видеть твое лицо.

– Естественно, ты не обязана объяснять, – мягко сказал Том, и я ощутила прилив благодарности.

Я показала ему две спальни на втором этаже и семейную ванную, облицованную серебристым мрамором, с отдельно стоящим белым резервуаром и вмонтированной в стену телевизионной панелью.

– Шикарно! – Том даже присвистнул. – Пиво, ванна и футбол! О чем еще можно мечтать?

– Мужлан!

Я сымитировала удар, и он совершенно по-боксерски уклонился. Перед глазами мелькнуло лицо Джесса, и я мягко убрала руку.

Весело подмигнув, муж поцеловал меня в лоб.

– В ванне хватит места для двоих, красотка, даже не сомневайся. Нам будет не до футбола.

Я направилась к лестнице, и мы стали подниматься на третий этаж. На сей раз Том шел позади и снова остановился, заметив фотографии. Я составила из снимков коллаж, отра-

жающий восемнадцать лет жизни моего сына. Начиная с самой первой фотографии новорожденного Джесса в больнице в день появления на свет и заканчивая снимком, сделанным за неделю до смерти: там он посылает мне воздушный поцелуй, стоя у калитки сада.

На большинстве фотографий был и Том, но, теряя рассудок от горя, я методично выстригала ножницами его лицо с каждого снимка. Я хотела вырезать Тома из жизни моего сына, как вырезают злокачественную опухоль. Тогда мне казалось, что я поступаю правильно.

К счастью, Том ничего не сказал. Наконец, мы поднялись на площадку третьего этажа, и я повела мужа в большую спальню – самое эффектное помещение во всем доме. Колоссальное панорамное окно выходило на раскинувшуюся через дорогу сельскую местность, украшением которой служил цветочный луг, особенно прекрасный летом.

– Ух ты! – сдавленно выдохнул Том. В его глазах заблестели слезы.

– Том, это так мило. – Я обняла его обеими руками.

– Не обращай внимания. Я стал сентиментальным, – проворчал он, утирая глаза тыльной стороной ладони.

Затем притянул меня к себе и добавил:

– После всего, что произошло, я уже не надеялся обрести счастье. А сейчас я счастлив, как никогда в жизни!

Приникнув к груди Тома, я чувствовала ровное биение его сердца. Перед мысленным взором на миг снова возникло

лицо Джесса, и я осознала, что сердце моего сына остановилось навсегда.

– Мне кажется, Джесс здесь, смотрит на нас, – тихо проговорила я. – Приглядывает за нами, понимаешь?

– Я как-то не задумывался об этом, – закашлялся Том.

– О, а я всегда ощущала его присутствие. – Я подошла к окну и залюбовалась видом. – Я чувствую его рядом постоянно. Даже здесь, в спальне.

Том отвернулся.

– Уверен, ему бы здесь понравилось. Гонял бы по полям на своем мотоцикле.

– Гляди, какая кровать. – Я присела с краю, разгладила черное с серебром покрывало. – Я решила, пусть будет самая большая. Думаю, ты оценишь, сколько тут простора.

– Еще бы. – Том шагнул ко мне и нежно поцеловал в голову. – Ты умница, Бридж. Проделала такой путь от того, что было, к нынешней жизни. Работала не покладая рук, и теперь настало время насладиться плодами… – Он осекся, глядя в противоположный конец комнаты. – Это…

На дальней стене в рамочке висела поминальная открытка с похорон Джесса.

– Да. Такая красивая память о его жизни не должна пылиться на чердаке. – Я поднялась на ноги и нежно развернула мужа к себе. – Мы будем здесь очень счастливы. Вдвоем друг с другом и, как ты всегда говорил, с нашими общими воспоминаниями о Джессе.

Мои руки скользнули Тому под футболку, и я ощутила его теплый мускулистый торс. Наши губы встретились, поначалу едва-едва, и вдруг меня словно молнией ударило. Том рывком притянул меня к себе и, сорвав с себя футболку, перенес на кровать. От него исходил запах чистоты и свежести. Я провела руками по затылку Тома и зарылась пальцами в густую темную шевелюру. Он навис надо мной, а затем деликатно лег сверху, заставляя мое тело выгнуться навстречу.

– Мы созданы друг для друга, – прошептала я ему на ухо. – Теперь между нами никто не встанет.

Глава 14

Джилл

Когда Том и Бриджет ушли, я присела на удобный диванчик возле стеклянных дверей, ведущих из кухни. Употребляя тактичное слово «удобный», мы старались не замечать того, что наша мебель знавала лучшие дни. Когда мы с Робертом были моложе, и я, с малышом Томом на руках, работала неполный день, приходилось проявлять чудеса изобретательности, чтобы обновлять вещи, переделывать дом, подстраивая его под новые потребности увеличившейся семьи. Потратив кучу денег, мы расширили кухню и установили стильные стеклянные двери, сквозь которые виднелась большая часть сада. «Мы привнесем то, что снаружи, внутрь», – сказала дизайнер, когда Роберт передал ей задаток.

Мы полюбили пить тут чай – а иногда и джин, – одновременно присматривая за Томом и часто еще и за Джессом, пока дети играли в саду. С удовольствием рассказывали друг другу, как прошел день. Роберт ворчал на коллег из архитектурного бюро, где он в то время работал, а я жаловалась на грубого или шумного посетителя библиотеки.

Теперь же я сидела здесь в одиночестве, глядя на покрытый пятнами газон и выцветший забор. У меня немного кружилась голова и путались мысли. В сознании вертелись сло-

ва Тома, но я все равно не понимала их смысла.

– Теперь ты видишь, почему ему нельзя доверять? – без конца твердил Роберт, пока я не крикнула, чтобы он замолчал.

Я смотрела, как муж ходит по кухне, заваривает чай. Мы познакомились чуть больше тридцати лет назад. На школьных танцах. Роберту было восемнадцать, на пару лет больше, чем мне, – и я не устояла. К пятидесяти двум его талия несколько расплылась. Джинсы стали провисать сзади, а волосы поредели. Но он по-прежнему не терял привлекательности, а когда надевал сине-белый шарф, оставшийся со времен учебы в Бирмингеме, снова напоминал студента.

Муж вынул из ящика маленькую ложку и, мурлыча под нос невнятную мелодию, достал из коробки два чайных пакетика. Казалось, инцидент с Томом его не расстроил. Честно говоря, Роберт не выглядел хоть сколько-нибудь озабоченным – впрочем, он считал, что знает все лучше других.

В последние годы наша семейная жизнь почти полностью лишилась радостей. Роберт постепенно зациклился на себе, его волновали только собственные интересы. К примеру, начав осваивать профессию школьного консультанта в 2007 году, он устроил себе кабинет в комнатке, которую я раньше использовала для чтения. Ничего особенного – мягкое кресло, плед да торшер. Тихое место, чтобы уединиться с книгой.

Когда не стало моей матери и мы разбирались в ее доме, я обнаружила на заваленном хламом чердаке в неподписанной

коробке, среди старых поздравительных открыток и полуистлевшего тряпья, бабушкино собрание сочинений Чарльза Диккенса.

Роберт, которого я ни разу не видела за чтением, скривился, когда я попросила перенести книги в машину.

– Нам точно нужны эти замшелые тома? Я куплю тебе новые, – небрежно бросил он.

– Мне не нужны новые! – Я вынула из коробки один том и перевернула пару страниц. – Смотри, издание 1930 года, с иллюстрациями!

Это было не самое первое издание, но все же старинное. На выцветших красных кожаных переплетах все еще блестели золотые буквы. Мгновенно нахлынули воспоминания: мне лет семь-восемь, и я с разрешения бабушки сижу возле книжных полок и провожу пальцами по корешкам томов. Время от времени достаю какую-нибудь книгу и бережно листаю страницы с иллюстрациями.

Не обращая внимания на недовольство мужа, я закрыла коробку крышкой и тщательно заклеила скотчем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.